

Собеседник

Батурин Глеб Николаевич

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 21 мая 2013 и опубликована 30 июля 2014.

Введение

Вторая беседа с Глебом Николаевичем Батуриным начинается с рассказа о том, как его, свободно владеющего арабским языком, в разгар Суэцкого кризиса взяли работать переводчиком в советское посольство в Египте. Практически сразу Батурин стал руководителем пресс-службы и проработал в этой должности два года в Каире. Ученый рассказывает о жизни посольства и об особенностях работы с египтянами.

Вернувшись на родину после конфликта с комсомольским собранием, Глеб Николаевич устроился в ВИМС на лаборантскую, позже — на инженерную должность, и занялся изучением морской геохимии урана. Этой теме была посвящена его кандидатская диссертация, написанная в аспирантуре Института океанологии. Этот период жизни ученого был тесно связан с многочисленными экспедициями по всему СССР, о которых он вскользь вспоминает в данной беседе. В своей первой заграничной экспедиции к берегам Намибии Глеб Николаевич открывает современные фосфориты, изучение которых станет одной из центральных тем его научных изысканий.

Глеб Николаевич много рассказывает о «кухне» геологии, «полевой» науке и научной этике, рассказывает о трудностях, с которыми сталкивался и сталкивается в своей исследовательской работе.

Беседа записана в рамках совместной исследовательской программы Фонда «Устная история» и Нефтегазового центра МГУ.

Юрий Вадимович Самодуров: В прошлый раз наша беседа закончилась, насколько я помню, на вашем поступлении во Всесоюзный заочный политехнический институт, ВЗПИ, на геологический. А перед этим вы поехали «в поле», как вы сказали...

Георгий Николаевич Батурин: Куда? А, «в поле».

Ю.С.: Поехали «в поле», причем «поле» было где-то на Севере.

Г.Б.: Колыма.

Ю.С.: Да, по реке. И там были разные приключения. И как раз кончилась наша запись на том, что, на винт баркаса намоталась...

Г.Б.: Да, колючая проволока.

Ю.С.: ...намоталась колючая проволока. И вы все-таки сумели пристать к берегу. А дальше как-то надо было спастись, что-то делать.

Г.Б.: Нет, не спастись. Надо было проволоку снять каким-то образом.

Ю.С.: На этом месте закончился рассказ. Хотелось бы уж, раз этот кусок есть, узнать, как это удалось.

Г.Б.: Совершенно примитивно. Вода была ледяная, ну, паводок, лед еще шел. Теперь, чтобы добраться до винта, надо под корму нырять — он не сразу за кормой, а он... там корма выдается, а внизу уже винт работает. Значит, надо поднырнуть и на ощупь — вода мутная, не видно ничего — на ощупь найти этот винт и кусачками отрезать эту проволоку. Ну, она намотана, это большой моток, ее просто так не срежешь: надо найти кончик, отмотать, отрезать и так далее. Вот в такой воде, я раза три или четыре нырял: отрезал, потом отдыхивался немножко, снова нырял. Последний раз, по-моему, меня за ноги уже вытащили оттуда. Я потом суток двое дрожал. Мне дали, конечно, спирт сразу, но это не помогло, потому что я весь уже был до желудка обледенелый, мне так казалось. В общем, это серьезная была, конечно, процедура. Но кроме меня некому было это сделать, потому что там было два сотрудника из ГИНа, начальницей была у нас Чудаева Марина — я не знаю, вы о такой, может, слышали.

Ю.С.: Слышал.

Г.Б.: Слышали, да? Еще два парня были, но они не были способны на такие вещи. А команда была: капитан, бывший власовец, — ну, все были из зеков — и два матроса. Один был московский бандюга — у него на счету несколько убийств, а второй — тбилисский карманник-щипач. Эти ребята, им это все... Им на это наплевать, на такие вещи, как намотка на винте, они отсидели там срока... Мы, кстати, в качестве обуви использовали чуни — это такие галоши остроносые, в которых заключенные ходили... Сапоги-то изорвались довольно быстро, ну и мы надевали чуни, а на ноги наматывали мешковину, как лапти с онучами носят, таким образом ходили по тайге, потому что там болотина постоянная, валежник, завалы, пробраться на пару километров — это проблема. Потому что вдоль реки на обнажения ходили, а иногда, где река непроходимая или излучина, надо через тайгу пройти. Ну, в общем, там сильно мы, конечно, намаялись.

” Потом мошка плотными стаями, комары, слепни. Слепни причем там тоже целыми такими... целыми ордами. Я помню, как-то я разулся, и слепень меня укусил в пятку — там самая толстая кожа, и потом у меня несколько дней это чесалось, и кровь шла.

Ю.С.: Волки какие-то, а не слепни.

Г.Б.: Ну, слепни — это по всей Сибири бедствие.

Ю.С.: А как же... Все-таки с этими, с зеками-то ничего, с бывшими?

Г.Б.: Нормально. Ну, они уже остепенились, я бы сказал. Причем, рассказывали всякие свои истории, но ничего поучительного в этом не было. Хотя, ну вот, власовец, например. Он говорит: командование приказало сложить оружие, выстроились. Кто протестовал — ну, таких, может, было всего двое-трое, — тех тут же пристреливали. Остальные, значит, сдались. В лагерь их отправили. Потом кого-то, кто соглашался, брали в эти соединения. То есть что человек мог делать простой?

Ю.С.: Ничего.

Г.Б.: Какая была главная обязанность военнослужащего? Подчиниться начальнику. Начальство приказало — они встали в строй и положили винтовки перед собой. Да, но это уже к геологии не относится.

Суэцкая кампания

Ю.С.: Ну, соответственно, закончилось это ваше «поле».

Г.Б.: «Поле» закончилось, я вернулся, принялся за учебу, пытался как-то в ГИН устроиться, но там, естественно, мест не было. А тут грянула эта самая Суэцкая так называемая кампания, когда национализировали Суэцкий канал. Начались подготовки к военным действиям, обмен ультиматумами и всякое прочее, политическая свара и... Это уже на фоне войны, потому что с Израилем шла уже война.

Ю.С.: Ну да.

Г.Б.: И активная подготовка. Был момент, когда американцы какой-то ультиматум прислали, а мы им ответили. Еще были жесткие моменты: ультиматум с намеком самого высокого порядка. И была паника в Москве, когда все правительственные учреждения опустели, никто не знал, что будет в следующий момент. Но это разрядилось каким-то образом, точно я не знаю, каким, но разрядилось, а напряженность осталась. И уже готовились наши воинские части. Я как востоковед был на привязи, то есть на учете. Какие-то объявили экзамены для всех, кто кончал институт, проверили нас, не забыли ли мы язык. Я этот экзамен сдал. И, в общем, прямой путь на Восток.

А тут... После первого моего выезда в Сирию меня взяли в Радиокomitee работать. Я там проработал больше, чем полгода: я и переводчиком был, и отдел писем вел, и даже на радио выступал несколько раз. А потом я оттуда ушел и поступил в институт. То есть вроде бы завязал. А после Колымы ситуация создалась такая, что главный редактор, у которого я работал в Радиокomitee, его назначили советником в посольство в Египте. И там не было ни одного переводчика: полсотни человек посольства, две-три сотни специалистов, а переводчика нет. И он мне говорит, мол, тебя все равно забреют, ты или на фронт попадешь, или иди к нам в посольство переводчиком. И я согласился под напором родственников и всех прочих, потому что надо и питаться как-то...

Работы у меня не было после того, как я с радио ушел, поступил в институт. Надо было готовиться к поступлению, а одновременно и работать, и в институт поступать — никак нельзя было совместить. Было полно друзей среди геологов, я думал, ну, устроюсь как-нибудь лаборантом, — но не удалось устроиться. Остался, переводами пробавлялся, переводил с разных языков на русский и наоборот. И в издательстве «Иностранная литература» я сотрудничал, и стихи переводил даже, помню. Луговской потом это дело под своей фамилией публиковал — естественно, уже в стихотворной форме, — мои подстрочники. Ну, в общем, я согласился. Сказали мне: на год — на полтора, мол, как-нибудь переживешь, а дальше сам смотри. Ну, я согласился и прямым ходом под Новый год отправился в Каир.

И приехал я туда, прилетел под конец дня в декабре 56 года. Тут же мне показали большую комнату: «Вот твой стол». И там лежит пачка газет арабских. Мне говорят: «Вот, надо посмотреть, выбрать актуальные события, явления, перевести и все это дать на просмотр начальству».

Я пролистал, смотрю — там заметка насчет того, что советские женщины из посольства делают аборты. Я думаю, забавная новость, написал. На следующее утро меня вызывает посол, говорит: «Как ты нашел такую вещь?! Это дискредитирует! Надо сообщить наверх!» И так далее. Тут же приняли какие-то меры. В общем, тут я стал сразу главой пресс-службы.

Я каждое утро приходил, уже на столе у меня лежала пачка газет, я быстро их просматривал, диктовал машинистке пресс-релиз на несколько страниц. И тут же это шло послу. Посол вносил некоторые правки. И он меня поучал: вот ты много сообщаем информации негативной, а наше руководство этого не любит. И знай, что командует нами не МИД, а ЦК партии. Там люди оценивают, что надо и чего не надо, а не МИД, мы только посредники. А посол этот был такой дипломатический волк. У меня с ним были хорошие, ну, не дружественные, конечно, но хорошие отношения, потому что он сам был горный инженер когда-то...

Ю.С.: О!

Г.Б.: ...и работал на Колыме. *(Смеется.)* И по партийному набору его взяли в Высшую школу. Потом он обладал колоссальным дипломатическим и политическим чутьем. Работал он в конце войны в Америке и рассказывал, что его там некоторые из его друзей американских предупреждали, что скоро все обрушится — вся наша дружба, сразу же после войны. Он об этом сообщал, но ему никто, естественно, не верил. Но он оттуда переехал, потом был послом в Венгрии, накануне событий успел улизнуть и никакого отношения к этому не имел. Потом он был послом в Египте, а после этого был замгенсека ООН. У Тан был тогда Генсек ООН, а он был его заместителем.

Ю.С.: Так это, ну, господи, как его...

Г.Б.: Киселев его фамилия. В общем, достойный был человек. Вот, значит, я два года на этой работе провел. Там меня с разных сторон побочных таскали и терзали, потому что приходилось много общаться с разными людьми: и с самыми низшими слоями населения, и с самыми высшими...

Ю.С.: Ну то есть Каир удалось как-то осмотреть, обжить? Узнали Каир-то?

Г.Б.: А, ну Каир, да. Я ходил там пешком...

Ю.С.: Это же целая цивилизация!

Г.Б.: Да-да. Ну, я много времени, внимания этому не уделял. То есть основные, естественно, музеи, мечети увидел. Но некогда было просто этим заниматься, некогда было. Потому что я взял с собой еще и математику, дифференциальные и интегральные исчисления. *(Смеется.)* То есть было куда потратить время. Ну, потом друзья, естественно, появились, но не среди своих. Там среди своих сплошные стукачи были: что ни сделаешь — тут же об этом всем известно.

Ю.С.: Ну да.

Г.Б.: Я там обладал особым статусом, то есть я был единственный человек, который знал язык, а должность моя была самая низшая. Даже не атташе, а не помню, как называлось, — в общем, сотрудник посольства. Лаборантов там не было, но нечто вроде. Но своеобразие состояло в том, что там куча народу была, которая занималась примерно тем же, чем и я, то есть они смотрели прессу. Но они смотрели прессу на английском языке, которая приходила на несколько часов позже того, что я уже прочитал и освоил.

Ю.С.: Понятно.

Г.Б.: Мало того, они еще числились, как знающие иностранные языки, и они должны были передавать

экзамены каждый год, подтверждать свое знание языка. И за это они получали надбавку: 10% за европейский, 20% за арабский. И мне поручили принимать у них экзамены. Первый секретарь приходил ко мне, ничтожеству, и просил, чтобы я ему хотя бы тройку поставил. *(Смеется.)*

Ну и потом там были всякие ограничения по передвижению, но меня это не касалось, я на это совершенно наплевал: я ездил в общественном транспорте или на такси. Или был случай, когда была промышленная выставка. Я на эту выставку пришел, смотрю: там знакомые ребята, с которыми я когда-то выступал на соревнованиях по самбо, боролся с ними на ковре. Ну, мол, здравствуй — здравствуй, как дела. Я говорю: «Что вы тут интересного видели?» — «Ничего не видели, потому что нас никуда не пускают, и времени нет, и вот мы у своих стендов торчим...» Ну, я это все знал по своему опыту. Я говорю: «Давайте, я вас прокачу, хоть куда-нибудь в кабаре съездим». Вечером я за ними приезжаю на такси, беру их, мы едем в кабаре. А там танец живота, естественно, и все прочие прелести. Ну и они как-то очень неуютно себя чувствовали: там низкие пуфики такие и столики, на столике стоят всякие напитки, и эти дамочки трясут животами и прочим. И такая у них мода: они трясутся-трясутся, а потом к кому-нибудь из посетителей подсаживаются на коленки — низкие пуфики, как раз очень удобно. Ну и надо им что-то заплатить, естественно. И эти наши ребята, когда увидели, то один из них сообразил: он взял вилку *(смеются)* — чтоб никто не сел!

В общем, приключений там было изрядно. Во-первых, там было колоссальное количество наших специалистов. Военные были, инженеры, потом всякие политологи приезжали, экономисты. Строили Асуанскую плотину. Мы присылали оружие, потом — продукты, и зерно присылали, и муку, и технику. Все же строилось нами, нашими специалистами, нашей техникой. И там полно было всяких инцидентов, естественно. Например, на стройку — строят когда плотину, уже основание есть, привозят цемент, сваливают, и его надо быстро раскидать, пока не застыл. Тут вдруг молитва начинается, бросают этот цемент — все, нагибаются, лбом бьются об землю, на карачках... А наш прораб бегает вокруг, матерится — сделать ничего не может. *(Смеется.)* Такое постоянно было. То они придумают соревнование: свяжут... эти ребята, местные. Мы их обучили водить машину, и вот они берут трактор, берут бульдозер, связывают их тросом — и кто кого перетянет. Опять, значит, наши специалисты ничего сделать не могут, портят себе нервы. Ну и так далее, и так далее.

В общем, там я побывал, и в высшем свете, с министрами общался. Потом приезжал туда Патоличев, министр внешней торговли и член ЦК, очень приятный оказался человек. Мы с ним — я в качестве переводчика его сопровождал к президенту, пожимал президенту Насеру руку.

” Рука оказалась влажная, слабая, даже непонятно, человек это или мумия ожившая. Он уже был на исходе, видимо, сил.

Ну, в общем, много чего можно об этом рассказывать, это к делу не относится. К геологии это никакого отношения не имеет.

Ю.С.: А с геологией Египта, так сказать, не было идеи познакомиться?

Г.Б.: Не было возможности. Конечно, было интересно. Но я знал, что там собственной геологии не существует. Но была только одна работа, там, Эль Вакилия Райли такие были авторы, которые в морской геологии чего-то написали однажды. То есть были люди, которые работали в Европе, а своих у них практически не было геологов. Хотя потребность была очень большая в геологии. Зато полно наших специалистов из Зарубежгеологии было везде: и в Иордании, и в Сирии, и в Египте. Некоторых я знал, с некоторыми мы статьи писали уже позже. Значит, срок мой там двухлетний закончился, меня пытались оставить еще, но, слава богу, не оставили, не сумели, потому что меня...

Ю.С.: Но при этом — беспартийный были, партийный?

Г.Б.: Беспартийный.

Ю.С.: Ну, это удивительно.

Г.Б.: Ну а не было никого. Причем я числился еще в комсомольцах, и были там комсомольские собрания, которые я игнорировал. И почему меня, собственно, выпустили в конце концов? Посол просил, чтобы меня оставили. Я сам не хотел, но он настаивал, чтобы меня еще оставить. Но верхнее начальство решило, что нет, пора отозвать, потому что на очередном комсомольском собрании от меня потребовали, чтобы я организовал посещение зоопарка детьми русской колонии. А я работал и по выходным, без перерыва.

” Говорю: «Нет, некогда мне этим заниматься». Мне говорят: «Нет, мы тебя заставим». А я говорю: «Во!» И тут же пошла депеша послу, что Батулин показал член комсомольскому собранию.

Ю.С.: Ха!

Г.Б.: И благодаря этому меня отпустили домой.

Ю.С.: Шахерезада прямо, сказки, восточные сказки! *(Смеются.)*

Возвращение в Москву. Работа в ВИМСе

Г.Б.: Ну вот, такие были приключения. Значит, вернулся я в Москву... И тут же отправился в экспедицию в Горную Туву со своими друзьями из ГЕОХИ — там были у меня друзья по горным лыжам, по общей компании, по альпинизму, — в общем, такие, так сказать, на кого можно положиться и можно любой поддержки ожидать. Они тут же меня взяли в экспедицию в Горную Туву. Там я провел сезон, потаскались мы по горам, по курулам. Но эти ребята занимались в основном магматическими породами. Там мы брали пробы скальных пород по шестнадцать килограммов. С собой мы возили во вьюках ступы чугунные и пестики весом, по-моему, восемь килограммов. Значит, набирали этих камней, ставили лагерь, ставили эти ступки. Потом камни дробили на куски, с кулак, клали их в ступку и втыкали в землю наклонно кол, привязывали к нему веревку, и со ступкой...

Ю.С.: Понятно, механизация.

Г.Б.: Да, ударяли ступкой, потом поднимали. И вот так тратили целые дни, пока не растирали, ну не до пудры, но до мелкого песка. Потом промывали и тяжелую фракцию отбирали. Вот такая была работа. Значит, целый сезон мы там провели.

Потом, вернувшись в Москву, я пытался... Ну, они меня пытались устроить в ГЕОХИ, а меня там не брали. В ГИНе тоже не брали, не было мест. Но друзей у меня было много, были друзья и из ВИМСа. И вот туда меня взяли.

Ю.С.: Закрытый ВИМС-то.

Г.Б.: Да. Я удивился даже, что все-таки меня взяли. Когда только обсуждался вопрос, мне сказали: давай-ка мы тебя сначала представим начальству. Представили меня директору Ершову... Приводят в кабинет. Там директор, секретарь парткома и спецчасть. И допрашивают: где, чего, как, почему, зачем. Ну я объяснил, что у меня тяга к геологии и все друзья мои — геологи. Ну ладно, допустим это аргумент. Но знаешь ли ты, что будешь получать зарплату весьма умеренную, мягко говоря, лаборантскую? Я говорю: «Ну, это мне все равно, мне деньги не нужны». Говорит: «Что?! Тебе деньги не нужны? Да ты откуда, вообще, взялся?» *(Смеется.)* На самом-то деле мне деньги были нужны, конечно, но раз зашла речь, что мало платить будут, я согласен все равно был на это.

В общем, взяли меня лаборантом. Потом вскоре сделали инженером. Занимался я там обработкой проб

по урановым месторождениям. Ну, а летний сезон — тут же отправился в поле. Работали мы на месторождениях осадочного типа — это костные брекчии Майкопские, в которых промышленный уран от одной десятой до двух сотых процента, и это морские отложения, которые состоят из пластов черных глин, насыщенных остатками рыб: чешуя, кости мелкие, кости крупные, головная часть залежи — это крупные фракции, и позвонки китов, и целые скелеты даже находили китов, и зубы акул, и крупные кости дельфинов, и кого угодно, а дальше, ниже по склону, все это мельчает и в конце концов уже выклинивается в виде такого конского хвоста.

Ю.С.: А как эти работы были организованы? И кем вы в поле были?

Г.Б.: В поле я был на инженерной должности. Даже пару раз я был начальником партии, когда освоился с этим делом. То есть в основном мы смотрели керны.

Ю.С.: Это какой район?

Г.Б.: Штаб-квартира была в Ессентуках. Работали в содружестве с министерством, естественно... Местная группа была — Кольцовская экспедиция — со штаб-квартирой в Ессентуках, а мы работали в основном в Калмыкии — это Северный Каспий, к югу от Элисты. И другой район — это Украина, южная часть. Я в основном в Калмыкии работал. И там бурили колоссальное количество скважин — за сезон пробуривали чуть ли не триста скважин до четырехсот метров. Мы просматривали керны и смотрели, где есть какие-то признаки, которые могут указывать на рудные скопления. То есть у нас время было только на то, что именно было нужно найти, потому что если колонка лежит в поле, представляете, допустим, триста метров скважина, и все это лежит в виде таких колбас, — это надо все просмотреть. И нужные горизонты не пропустить, и детально описать, а остальное все — некогда, хотя много еще было там интересного: и пиритные горизонты с фауной, и много чего другого, но мы смотрели только те интервалы, которые нужны, рудные. И описывали, строили палеографические схемы, разрезы, потом это все анализировалось и давались прогнозы, где перспективные районы, где менее перспективные и так далее.

И тут же, поскольку у меня были друзья и просто геологи-буровики, и химики, и геохимики, я и заинтересовался геохимией, освоил там метод определения урана. Самое крупное месторождение там было Меловое — теперь уже это все рассекречено, потому что его отработали.

” Это месторождение дало сорок пять тысяч тонн урана для производства атомной бомбы. Было дано указание: из этого месторождения уран в основном шел на атомную бомбу. Ну и тогда все это было, естественно, закрыто-перезакрыто.

Поначалу там никто даже о технике безопасности не беспокоился, там работали вербованные тетки из Белоруссии, с Украины. Жарища там, в степи. Это в районе Млы, в Прикаспии, в Усть-Меловой, это северо-восточная часть побережья Каспийского моря, там кругом пустыня — и месторождение. Там поселок... Это был раньше порт Шевченко, где Шевченко когда-то служил в солдатах. И вот рядом это месторождение. Потом его назвали Меловое: там и шахта, там и карьер, и все там было потом сделано. И город целый построили. Сейчас это уже называется как-то по-казахски, не помню, Атыбас какой-то — точно не могу уже сказать. Так вот, это было главное месторождение, и его уже начали, собственно, разрабатывать, или готовы были к этому, а генезис был совершенно непонятен: как это так, в степи — кости рыб, с какой стати? Отложения явно морские. То есть было Майкопское море, которое занимало площадь современного Черного, Каспийского, Аральского и Азовского. Оно много раз меняло свое очертание, там была колоссальная биопродуктивность, там рыбы было... По одним костям посчитали, это было многократно больше, чем все рыбные запасы океана. Откуда это все взялось? Ну, естественно, самая главная гипотеза, как у геологов принято — это вулканогенная: какие-то там вулканы извергались, все дохли, сваливалось все это в кучу. Из вулканов шел и уран, и сероводород, и все сопутствующие металлы. Откуда им еще взяться, как не из вулканов? Никто же не знал, что океан существует на свете,

и что там это все тоже есть. В общем, главенствующая... даже не главенствующая, а единственная гипотеза была вулканогенная. Потом кому-то в руки попала статья, по-моему, Хоментовскому из ГИНа, с которым тоже были знакомы. Он нашел статью одной голландской дамы — Бронгерсмы Сандерс, которая описала эпизоды массовой гибели организмов в океане. То есть это целая почти что книжечка, и там были описаны эпизоды массовых заморозов фауны по всему океану. И оказалось, что это происходит главным образом в зонах сочленения океана и континента, в прибрежных зонах, и что связано это в основном с ядовитым планктоном. И было описано, что самые мощные проявления такого рода событий — это шельфы Юго-Западной Африки и Перуано-Чилийский. И тут же возникла гипотеза, что урановые месторождения образовались благодаря этому явлению, что был бассейн, было множество рыбы, и время от времени эта рыба дохла, и это происходило раз в несколько лет, и таким образом накопились эти рудные пласты.

Ю.С.: Но океан же нужен.

Г.Б.: Майкопское море. Это малый океан... это Паратетис, я же говорю — колоссальный бассейн, который занимал...

Ю.С.: Ну, это же все очень мелководное считалось.

Г.Б.: А рыба... рыбе не нужна глубина, ей нужно чем питаться. А все питание в поверхностном слое воды.

Так вот, возникла идея, что это связано с массовыми заморами, и когда это доложили, был такой шквал критики, что инициаторы этого были совершенно раздавлены, до истерик дело доходило. Но меня это...

Ю.С.: А кто у вас там это поддерживал?

Г.Б.: Придумка была со стороны Всеславского — это был мой непосредственный начальник. Всеслав Всеславович Всеславский. Я помню, в экспедиции когда мы были, шофер [ему] говорит: «Слушай, кто тебя так обозвал? Тебя что, родители не любили?» А тот говорит: «А тебя самого как звать?» — «Карп». — «Но карп — это тоже ведь, это рыба...» (*Смеются.*) Так вот, Всеславский выступил с этой инициативой. Ее поддержал Кочинов, Зиновьев, еще сотрудники. В общем, их приняли в штыки: не может этого быть, потому что не может быть никогда. Но меня эта идея вдохновила, и я понял, что на этот вопрос можно найти только один ответ — отправиться в океан, что я и сделал. Мне там предложили заведовать отделом переводов, я от этого отказался и ушел, и поступил в аспирантуру Института океанологии.

Поступление в аспирантуру Института океанологии

Ю.С.: Так подождите, вы же параллельно учились?

Г.Б.: Да, я учился, но как раз уже заканчивал. Еще работая в ВИМСе, я уже закончил институт, получил диплом горного инженера. Диплом у меня был по проходке шахты. К тому вопросу, которым я занимался, это никакого отношения не имело. Во всяком случае, диплом получил горного инженера. И с этим дипломом я подался в Институт океанологии, в аспирантуру очную. Также благодаря личным контактам, потому что мне было тридцать три года.

Ю.С.: Ну да.

Г.Б.: В аспирантуру очную в таком возрасте не поступают.

Ю.С.: Ну, формально еще два года у вас было. К кому?

Г.Б.: Попал я к Пантелеймону Леонидовичу Безрукову, который был тогда профессор, доктор, один из первооткрывателей, на самом деле — главный первооткрыватель Каратау, фосфоритов Каратау. После того как это было уже признано, сразу появилась целая плеяда сотрудников, соратников, — как водится. В общем, один из первооткрывателей, и ему во многом помогал — уже потом, правда, академик Яншин. Было три друга: Яншин, Безруков и... в ГИНе был еще...

Ю.С.: Вахромеев.

Г.Б.: Да-да-да, Вахромеев. Их троих не приняли в Университет по анкетным данным, и они на этой почве сдружились и всю жизнь дружили, потом друг другу помогали. Яншин первый выбился, он же был племянник народного артиста и сам артист великий.

Ю.С.: Ну, то, что он был племянник, — это не играло...

Г.Б.: Это играло. Он еще и в театре выступал в юношеском, так что у него был и голос поставлен, и много чего другого. Это немало способствовало и способствует.

Ю.С.: Он был лидер, конечно.

Г.Б.: Особенно в наших... пределах. Да, так вот, поступил я в аспирантуру и тут же на следующий сезон отправился в экспедицию...

Ю.С.: Вы ему рассказали, чем хотите заниматься? Не просто же в аспирантуру? То есть вы уже пришли со своей темой?

Г.Б.: Я пришел со своей темой. Я сказал, что моя тема — она у меня есть и по ней уже кое-что сделано, это геохимия урана, морская геохимия урана. Ну: «Как, где, чего, как ты будешь делать?» Я говорю: «Я буду делать все анализы в ВИМСе, там меня пускают в лабораторию, там у меня есть материал, там я буду создавать продукцию первичную свою».

На следующий сезон я отправился в экспедицию... в составе экспедиции ВИМСа на Арал. Задание было: оценить перспективу ураноносности региона, включая Аральское море, озера. Я взял с собой байдарку, дали нам катер. Тогда был Институт рыбного хозяйства и океанографии Казахстана, центр в Алма-Ате, а в Аральске был филиал института — Аральское отделение Казахского института рыбного хозяйства и океанографии. И у них был катер. И нам предоставили этот катер. Мы избороздили это море, отбирали пробы, потом я на байдарке спускался там, где мелководье, и... или, когда катер был занят на других работах, просто выходил в море и брал таким маленьким начерпателем — у меня был ручной, — я на лине капроновом опускал его до двадцати метров, он там захлопывался, я его поднимал и брал образец. Набрали мы образцов по всему морю. Проанализировал я это все, и опубликовали мы первую... Нет, это была не первая моя статья. В общем, вместе с Кочиновым «Уран в Аральском море». И это тогда было море полноводное, мы всю площадь охватили, кроме Западной впадины — она была глубока, нам туда было не добраться. А все остальное мы сделали: карту построили, формы урана определили...

Ю.С.: Это все закрытые были материалы, да?

Г.Б.: Нет! Нет, это были материалы открытые. А первая моя публикация была... Поскольку тема-то у меня была ясна, и метод был у меня в руках, надо было получить материалы по морям: раз морская геохимия, значит, надо материал собрать. Я узнал, где, кто, когда, в каком институте работал в экспедициях — ну, это известно из литературы. И я обошел все эти институты. Это ГАИН, Государственный институт океанографический, потом ВНИИРО, Институт рыбного хозяйства. Ну и ряд других учреждений. Да, ИГИРГИ, институт горючих ископаемых, которые работали на Каспии. И у всех брал материал. Я им говорил: «Мне нужны образцы, вы собирали по всему морю — дайте мне по несколько граммов образцов». И все давали. Собрал я коллекцию, собственно, по всем морям и на этом и сделал диссертацию.

Я сделал карты по всем морям, оценил особенности распределения, и главный вывод был — что да, уран связан с органикой и накапливается до таких-то пределов, до порядка ниже кларка, но есть все перспективы, что в осадках, более богатых органикой и фосфором это будет повышаться по крайней мере на два порядка.

Осталось только найти образцы, богатые органикой, больше, скажем, хотя бы на три-четыре процента и обогащенные фосфором. Такие, значит, надо искать в океане.

Кандидатская диссертация. Семейная жизнь

Ю.С.: То есть это была ваша кандидатская?

Г.Б.: Это была моя кандидатская. Причем самые высокие концентрации — ну, до 20 рт, 20 на 10^4 процента — в центральной Балтике и в центре Черного моря. Я и там и там работал, это были мои материалы. Я в первую экспедицию морскую пошел на украинском судне «Михаил Ломоносов», в Черное море. Потом Аральская экспедиция. На Балтику я позже попал, но материалы у меня уже были. То есть по десяти морям я набрал материал и сделал на этом диссертацию. Осталось попасть в океан.

Ю.С.: И это же очная аспирантура?

Г.Б.: Очная, да.

Ю.С.: Ну, вообще говоря, у аспиранта стипендия небольшая.

Г.Б.: А я еще алименты платил.

Ю.С.: Ух ты! А на что жили?

Г.Б.: На подножном корму. Жена у меня брала... У нее была тетрадка небольшая, не общая — а просто школьная. И она на каждой странице клала три рубля.

Ю.С.: На жизнь, понятно. А аспирантура — там же срок. Вы успели?

Г.Б.: Я успел. Даже раньше.

Ю.С.: Ну а Безруков как к вашей работе относился? В том смысле, какой-то интерес у него был?

Г.Б.: У него много было других забот. Просто я ему время от времени подтверждал свое наличие, потому что я тогда... Главная проблема, которую я решал, — это жилищный вопрос, потому что жить в коммунальной квартире в маленькой комнатенке с семьей... Надо было еще и работать, где-то разложить бумажки свои хотя бы, образцы. На работе такого места не было, там одна комната общая, на несколько человек, и столы загромождены камнями. То есть места рабочего не было практически. Тогда этого здания не было, а мы в Люблино работали, там тоже были несколько комнат, битком набитые людьми, и...

Ю.С.: Ну а где вы существовали? Где вы все это раскладывали?

Г.Б.: Где раскладывал? На полу.

Ю.С.: Понятно, что на полу. А где — дома?

Г.Б.: В ВИМСе иногда раскладывал, когда можно было.

Ю.С.: То есть фактически рабочего места не было нормального?

Г.Б.: Практически — нет, не было у меня рабочего места вообще. Я даже сейчас не могу вспомнить, как я с этим управлялся со всем (*смеется*), потому что образцы — ну, когда имеешь...

Ю.С.: Но их же много было!

Г.Б.: Много!

Ю.С.: Их надо было как-то все... в порядке хранить.

Г.Б.: Так их надо было описать, потом растолочь, потом растереть до пудры, потом проанализировать и так далее.

Ю.С.: И анализов много.

Г.Б.: Много.

Ю.С.: Но все-таки анализы вы сделали.

Г.Б.: Анализов... Сейчас я скажу: сотни четыре!

Ю.С.: Много.

Г.Б.: Да, в общем, изрядно.

Ю.С.: Но в ВИМСе вам сделали, да?

Г.Б.: Я все делал сам!

Ю.С.: Нет, вы только толкли, механически, а дальше?

Г.Б.: Дальше я приходил в ВИМС, растворял материал...

Ю.С.: А, тоже сам?

Г.Б.: ...кипятил... Потом делал перлы...Потом смотрел в люминесцентный прибор, сопоставлял со шкалой, определял содержание...

Ю.С.: То есть тоже сами все делали.

Г.Б.: Да, а кто еще может делать? У меня сотрудников не было никаких.

Ю.С.: У аспиранта — естественно. Какая-то прямо невероятность...

Г.Б.: Да, у меня по крайней мере половина времени ушла на жилищные дела, конечно. Мы, по-моему, семь или восемь раз меняли квартиры, перемещались.

Ю.С.: В смысле — снимали, что ли?

Г.Б.: Нет, не снимали — менялись. Какие-то совершенно невероятные были [варианты]. И в Подмосковье мы выезжали...

Ю.С.: Жена геолог была, нет?

Г.Б.: Нет, жена биолог.

Ю.С.: В экспедициях где-нибудь вы ее... углядели?

Г.Б.: Ну, она занималась своими делами.

Ю.С.: Нет, вы... ну, познакомились, углядели в экспедиции?

Г.Б.: Нет, среди своих друзей — младшая сестра жены моего друга, с которой на дне рождения у него познакомился.

Ю.С.: Понятно. А она работала тоже?

Г.Б.: Она была студентка, а потом работала в Институте микробиологии. Потом перешла в мой институт, в аспирантуру, здесь кандидатскую сделала. Сделала уникальную работу, которая не была оценена, и до сих пор ничего подобного не сделано.

Ю.С.: Ну, в общем, помотались вы с этими квартирами. И как потом это все-таки решилось-то? Как-то решилось?

Г.Б.: Решилось путем всяких взаимных обменов, потом родственников подключили — отца моей жены. И моя матушка участвовала в этом. В общем, в результате я устроил и собственную площадь, и мать, и сестру. У них были свои какие-то площади. В общем, достойно...

Ю.С.: Кооперативную нельзя было в то время, да?

Г.Б.: Кооператив тогда был. Жена моя вступила в кооператив. У меня было три комнаты, она купила кооперативную, то есть внесла первый взнос за кооператив, и получилось так, что у нее однокомнатная квартира, а у меня комната. Но надо было по закону сдать комнату, отдать.

Ю.С.: Просто отдать?

Г.Б.: Просто отдать. Если ты в кооперативе, комнату надо отдать. Нам пришлось развестись. И этот самый прием многократно повторяли мои друзья, которые этот опыт учили. *(Смеется.)*

Ю.С.: И нынешние депутаты тоже. *(Смеются.)*

Г.Б.: Значит, я депутатов опередил.

Ю.С.: Да.

Г.Б.: Я только что иностранным агентом не числюсь. Хотя нет, во многих, наверняка, учреждениях я числюсь иностранным агентом, это безусловно, потому что стоило мне получить письмо... Ведь в те времена, доперестроечные, главными врагами были кто: Америка, ФРГ и Израиль. А я получал корреспонденцию отовсюду. И каждый раз меня вызывали на самый верхний этаж и допрашивали: кто эти люди, на кого они работают, какие у вас есть о них сведения, об их семейном положении, доходах и так далее, так далее, и так далее.

Ю.С.: Понятно. Ну, так ваша кандидатская... Ваш материал — это понятно. А все-таки морями-то на Западе уже в то время много занимались. Какую-то литературу... вы смогли найти, привлечь?

Г.Б.: Кроме меня, практически в таком масштабе никто не занимался. Были отдельные работы: несколько проб в Балтике кто-то сделал, кто-то — в норвежских фьордах. Первая публикация о том, что уран есть в морской среде, была, по-моему, в 48-м году. Был такой норвежский исследователь, который определил в норвежских фьордах повышенное содержание урана. Там такие черные илы сероводородные... Это была публикация 48-го года. А потом отдельные определения по Балтике были. Но я составлял карту.

Ю.С.: То есть вы в этом смысле пионер получаете?

Г.Б.: Да, то есть я давал полную картину, не просто отдельные пробы, а целиком вся площадь, и с типами осадков, начиная с глубоководных и до берега. И как это все применяется. Так вот, я этими материалами... К сожалению, много оказалось выброшено из-за недостатка места.

” То, что мы собираем — коллекции собирали по всему океану, — это колоссальная ценность. И все это — на помойках! Ничего практически не осталось от того, что мы собрали в Мировом океане, все на помойке, на свалке.

Ю.С.: Это в последние годы?

Г.Б.: В последние годы. И так везде, по всей нашей геологии. Вот в ВИМСе. ВИМС по всем урановым месторождениям Советского Союза имел материал. Там пришел один директор, другой, третий: «Что в коридоре тут завал? Сплошные столы... шкафы с образцами. Вывезти все на помойку!» Вывезли.

Ю.С.: Ну почему — на помойку? Какие-нибудь есть же... база какая-нибудь.

Г.Б.: Нет никакой базы, в отличие от всей Европы и Америки и так далее. Там колоссальные площади заняты хранилищами.

Ю.С.: Что, действительно на помойку вывезли?

Г.Б.: На свалку, это называется свалка у нас.

Ю.С.: Просто выбросили — и все?

Г.Б.: Да. Вот приезжает самосвал, грузит. Так образцы...

Был какой-то международный конгресс у нас по урану, в Москве, хотели показать образец с месторождения Меловое, мирового класса месторождение. Нету образцов, выкинули! У одного только сотрудника ВИМСа, у Шаркова, дома оказался штуф запарафиненной этой руды. Вот его и показали — все, что осталось от месторождения, которое дало сорок тысяч тонн...

Ю.С.: Ой, господи! Ну странный директора народ.

Г.Б.: Из Тихого океана, помню, привезли образец глыбы полторы тонны весом — скальная порода с железомарганцевой коркой, с фосфоритами. Она в Люблино стояла, во дворе, на газоне — на помойку вывезли. Все наши хранилища... Вот мы снимали, когда института этого не было, — снимали, например, в Черемушках подвал. Там была геологическая лаборатория. И в этом подвале было хранилище, где свои образцы ставили. Но там прорвало канализацию, все затопило. Ну все. Потом в Люблино тоже где-то снимали подвал. Там было хранилище образцов. Я как-то туда пошел собрать образцы по какому-то морю, уж не помню. Еле в этот подвал пролез. Там было такое оконце — выбито, куча котов выскочила через это окошко. Я там поработал часа два, потом чувствую, что-то начинаю чесаться — я весь покрыт блохами... Я отряхался там, снимал с себя одежду, вытрясал. Пришел в институт, в Люблино мы были, во дворце Дурасова был институт, не знаю, что там сейчас, не то клуб, не то еще что-то. И прихожу в кабинет Безрукова, говорю: «Пантелеймон Леонидович, я был на складе. Но вы знаете, там блох полно». Он говорит: «Что ты, что ты! Выйди, выйди, выйди!» *(Смеется.)*

Ю.С.: А скажите, еще чуть-чуть вернемся к вашей кандидатской. Я знаю, что одним из оппонентов был Чердынцев.

Г.Б.: Да, один был Чердынцев.

Ю.С.: А как вы на него вышли, почему Чердынцев?

Г.Б.: Потому что он занимался ураном. Я к нему ходил консультироваться. Он изотопами урана занимался... в основном. Ну, а я геохимией урана. Он у меня спросил, что я собираюсь делать в ближайшее время. Я сказал: «Я собираюсь на Черное море». Он говорит: «О! Мне по Черному морю нужен уран. Мне нужны изотопы, определить отношение 234-го к 38-му, потому что в океане оно превышает — это 1:14 отношение, активности, это значит аномалия, значит, морская вода облучена ураном. Что делается в Черном море, надо узнать. Для этого мне нужно сколько-то миллиграмм урана. Ну, мы посчитали, примерно 3 мкг на литр, значит надо литров пятьдесят или больше воды, из нее извлечь уран. Как его извлечь? Это значит надо взять морскую воду, прогреть ее, запустить туда оксид железа, потом все это перемешать. Когда все это отстоится, выпарить всю эту воду, потом осадок просушить и привезти сколько-то грамм. Я на это потратил почти все свое время экспедиционное.

” Я ведром черпал воду из центральной части моря, шел в лабораторию, ставил на плитку, выпаривал, добавлял железа, и, в общем, получилось... Высушить я уже не успел. У меня получилось две литровые банки с этой жижей железистой.

Вот что я ему привез. Ну, он потом опубликовал статью, про меня даже не упоминал...

Ю.С.: Плохо.

Г.Б.: Ну, к этому надо привыкать.

Ю.С.: Нет, нехорошо. И какие-то отклики... Как ваша кандидатская была?.. Все-таки пионерская работа...

Г.Б.: У меня второй оппонент была Римма Павловна Готтех, она из ВНИИЯГГа, она и сейчас, по-моему, работает, публикует довольно много. Ну, Чердынцев дал очень жесткий отзыв. Он сказал... Тогда как раз диссертация была опубликована одного корейца в Америке — Ку, который именно изотопами занимался. Он мне его ставил в пример, говорил: «Вот кореец сделал изотопию, а у вас просто геохимия, это, мол, не так уж интересно. Ну, пусть распределение какое-то, связь с разными макрокомпонентами, но главное — это изотопия». Я помню, когда Чердынцев где-то выступал в ГИНе, Страхов был страшно раздосадован его точкой зрения и постоянно повторял: «Да ну его к черту с этими изотопами!» *(Смеется.)*

Ю.С.: Его это интересовало.

Г.Б.: Да. Одного интересует тут, другого — в воде! *(Смеется.)*

Ю.С.: Так все-таки работа-то была, в общем, пионерская. Какие-то отклики на нее...

Г.Б.: Отклики — да, были. За границей....

После кандидатской. Экспедиция к берегам Намибии

Ю.С.: Может быть, даже не обязательно в смысле защиты, а уже после защиты.

Г.Б.: После защиты, естественно, потому что, я помню, уже спустя сколько-то лет после этого я попал в Швецию и пришел в Стокгольмский университет, в какую-то лабораторию меня привели, и там меня встретили с открытыми объятиями: «А, Батурина появился!» Потому что по Балтике у меня тоже был раздел. Ну, и в Америку приглашали меня много раз. Причем там был у меня такой казус: у нас в институте режим какой-то тоже есть, в каждом институте режим...

Ю.С.: Еще бы... ну, а в вашем...

Г.Б.: ...а с моей биографией, весьма неоднозначной... слишком много шероховатостей. И к моему удивлению, меня выпускали в рейсы. Первое мое удивление было, когда меня выпустили первый раз за границу после института, в Сирию. Уже все уехали, а я еще не уехал. Я тогда плюнул на это дело и, когда кончил Институт востоковедения, поехал в горы на восхождение. Возвращаемся мы с восхождения, ставим палатку переночевать, и вдруг снизу приходит очередная группа, и говорят: «Батурина вызывают в Москву срочно». Я все бросаю, бегу, еду в Ессентуки. Надо лететь в Москву, билетов нет. Я прихожу к начальнику аэропорта, показываю телеграмму. Он меня сажает в самолет, я прилетаю в Москву. Обращаюсь куда положено, мне говорят: «Пока нет, ждите вызова». Там уже работы начались, в Сирии, я уже оформленный, даже получил, по-моему, сколько-то, 80 рублей подъемных — впервые в жизни купил пиджак. *(Смеется.)* А использовать его не могу, потому что еще нет решения. Наконец меня вызывают в дом рядом с моим домом, где я живу. Я всегда проходил мимо этого подъезда, там просто шторы, иногда только видел — часовые стоят. Дом мой За, а это дом З в Большом Комсомольском переулке. Прихожу, пропуск мне выписали и меня там допрашивали: чего, как, почему. «Условно, пожалуй, мы тебя выпустим». Выпустили.

После этого в МИДе — там никаких проблем не было, потом в Институте океанологии — тоже, ну, Черное море, Аральское — само собой, эти наши моря, а потом, в 67-й году, первый мой заграничный рейс — в Намибию. Причем я давно ждал шанса, а тогда был только один корабль у нас — «Витязь», и на этот «Витязь» уже за несколько лет вперед все места распределены. Один корабль на всю страну. Потому что в программе Института океанологии есть много других заинтересованных учреждений и лиц высшего качества. И каждый хочет прокатиться в тропики и посмотреть, что на свете делается. И попасть было

крайне сложно в то время, особенно младшему составу. Но тут я узнаю, что рейс гидрологический, то есть только течения и водные массы, никакой геологии не предусмотрено. Тогда я уговариваю Пантелеймона Ивановича (*оговорка: Леонидовича. — Ред.*) Безрукова и Лисицына пойти вместе со мной к Монину и объяснить ему, что это важно для атомной промышленности. Я прихожу, показываю карту, что вот, этот район перспективный, что мы здесь... рядом корабль будет работать, что им стоит полсуток потратить, несколько часов — подойти к берегу. Тогда еще не было этих зон экономических никаких. А Намибия была ничья. Намибия была когда-то немецкой колонией, потом южноафриканской колонией, потом непонятно чем. Там и война шла между Южной Африкой и намибийцами. То есть ничья земля. Значит, Монин согласился, и меня включили в состав экспедиции. Но как только меня туда включили, сразу целая куча любителей присоединиться выявилась. Это, во-первых, Мария Васильевна Кленова, которая у нас в институте была...

Ю.С.: Ну это да.

Г.Б.: Она как старая морская волчица и мать морской советской геологии... Это раз. Потом калининградское отделение наше, которое занималось Атлантикой, тоже претендовало. А место-то одно. И Монину пришлось уступить: Кленову с ее лаборанткой туда включили и двух... да, и двух людей из калининградского отделения. То есть это уже целый отряд. Ну, и меня назначили начальником отряда — значит, Мария Васильевна... под моей якобы опекой. То есть я ее должен опекать, а именно: обеспечивать материалом. Это был кошмар. Можно целую книгу написать про эту экспедицию, какие там были казусы и бог знает чего... Главное — что я туда попал, в это заветное место, куда мечтал последние годы попасть, и без этого все мои прежние построения теряли особый смысл.

И вот наконец я туда попал. И подошли мы к берегу. Никаких там ни виз, ни разрешений, ничего не надо было — просто подошли к берегу и у берега начали работать. Я беру первую пробу начерпателем — это полсотни килограмм, ну, начерпатель — это такой прибор, который захватывает челюстями осадок до 20 сантиметров, — и ставлю на палубу, открываю: запах сероводорода, живой фауны никакой нет, такая слизистая вязкая масса темно-зеленого цвета, очень напоминает свежий коровий помет по консистенции. Туда опускаю руки с вожделием — руки зеленые, потом долго не отмываются от хлорофилла — и вижу там кости рыб, уже мне знакомые, и частицы: твердые частицы, темноватые, и мягкие, которые можно размять пальцами, желтоватого цвета. И мне сразу приходит в голову, что камушки-то эти — фосфорит, а вот эти маленькие — зародыши фосфорита. А фосфориты все считались, по гипотезе Казакова, химогенными, то есть осаждаются из морской воды напрямую. Но я это, естественно, все имел в «задней мове», можно сказать. То есть я собрал впервые этот материал, тут же проанализировал, опубликовал...

Ю.С.: Эти зародыши, которые вы в пальцах ощущали...

Г.Б.: Это ил...

Ю.С.: Это же ил!

Г.Б.: ...тот же ил, но только желтоватый и несколько более плотный по консистенции. Сам ил — он-то так мажется, а этот надо чуточку еще размять. Так вот, я это объявил современными фосфоритами — я тут же анализ сделал, конечно, в Москве, как приехал. Оказалось, это чистокровный фосфат, можно сказать, там 28% P_2O_5 , а в зернах — 32% P_2O_5 . Я написал: вот, эти частицы состоят из современного осадка, импрегнированного фосфатом, а черное — это фосфат почти без примесей. То есть в процессе диагенеза это все образовалось в самом илу, потом постепенно дегидратировалось, минерализовалось, и образовались черные конкреции.

Ю.С.: Может быть... вот эти, черные, — это было совершенно другое время просто, перемытое что-то. Нет?

Г.Б.: Может быть и перемытое, но не обязательно, потому что были частицы, в которых половинка состоит из рыхлого, а половинка — из более плотного, то есть все переходные разности в одном образце есть. Таких проб я взял там дюжину. Это не единственное, не единичное что-то, а целая серия по разрезу вдоль берега.

Ю.С.: Понятно.

Г.Б.: Я тут же опубликовал статью в «Докладах...»: «Аутогенные фосфоритовые конкреции в современных осадках шельфа Намибии». И все. После этого начались конфликты с теорией Казакова, так называемой теорией. Ну, я...

Ю.С.: Сейчас, если можно, на шаг назад. Вы в каком году кандидатскую защитили?

Г.Б.: В 67-м. А докторскую — в 75-м.

Ю.С.: В 67-м вы — аспирант. А что дальше? Вас оставили?

Г.Б.: Меня оставили, да. Было два претендента, одно место и два претендента. Один аспирант, молодой красивый парень, здоровяк, на нем воду возить можно было, и я, с темным прошлым человек. Предпочли, естественно, молодого парня. Но потом запросили у президиума еще единицу. В общем, сумели меня оставить... Потом этого парня довольно скоро выгнали за полную неспособность...

Ю.С.: И в какой отдел вы попали?

Г.Б.: К Безрукову, естественно.

Ю.С.: Так и остались у него, да?

Г.Б.: Да, так я у него и остался. Причем Безруков был просто идеальный руководитель, который был мне нужен: он ни во что не вмешивался и даже и не спрашивал особенно.

Ю.С.: Ну, вас взяли младшим научным?

Г.Б.: Да.

Ю.С.: И долго вы им были?

Г.Б.: Долго. Пока не умер очередной старший. То есть не очередной, а внеочередной.

Ю.С.: Ну понятно, да. То есть кандидат, но долго, ну да. И чем вы стали заниматься?

Г.Б.: Все тем же. Ураном, но уран тут же оброс сопутствующими элементами, потому что у меня лабораторная база практически была в ВИМСе. У ВИМСа был спектральный анализ и химический. Меня там использовали в какой-то степени по урановой тематике, поскольку интерес-то к урану там перманентный...

Ю.С.: Ну да.

Г.Б.: Ну я брал там в соавторы кого-то и продолжал делать сам анализы, потом побочно мы делали еще другие, кооперировался с химиками каким-то образом. Здесь была тоже аналитическая лаборатория, где можно было основные компоненты и кремнезема, и фосфора, и кальция, магния определить — была химическая лаборатория здесь, в институте. Можно было встать на очередь, сдать анализы и получить результаты. Это описывать... В микроскоп я наладился смотреть, в электронный. Правда, в те времена ни анализатора не было, ни микродифракции, а хотя бы, ну, внешний вид посмотреть, как это все выглядит при увеличении в десять тысяч. И составили мы с Дубинчуком атлас, первый, опубликовали. Первый атлас микроструктур с фосфоритами, по морским фосфоритам.

Ю.С.: Да я помню, такая белая обложечка.

Г.Б.: Нет, не белая. Совсем не белая обложечка. Сейчас, где-то у меня тут есть. Нет, здесь уже нет...

Ю.С.: Да белая, белая. А еще на обложке фотографии, несколько, блок фотографий. Вряд ли я путаю. Я ее в свое время даже купил.

Г.Б.: Была в мягкой обложке, называлась «Фосфориты на дне океана». К сожалению, ни одной книги

я здесь не вижу.

Ю.С.: Так скажите, вот стали вы продолжать здесь уже, в безруковском отделе, уран, но уже не просто уран, а с чем? Как шла работа? Какие, собственно говоря, были идеи, чего хотелось сделать?

Г.Б.: Собственно, уран — это было уже, так сказать, «пришей-пристегай», то есть он везде присутствовал всегда, но тема была — фосфориты, океанские фосфориты.

Открытие современных фосфоритов

Ю.С.: Как они родились, из этого рейса?

Г.Б.: Что «родились»?

Ю.С.: Эта тема как родилась? Из этого рейса?

Г.Б.: Да, из этого рейса. Я нашел фосфориты, которые никогда никто не находил, современные...

Ю.С.: А рейс этот когда был?

Г.Б.: 67-й год.

Ю.С.: А, то есть вы защитились, и почти сразу был рейс.

Г.Б.: Да, и тут же я пошел в рейс.

Ю.С.: И здесь, можно сказать, — открытие.

Г.Б.: И здесь открытие. Я, кстати, и оформил как открытие. Тогда был Госкомитет по изобретениям и открытиям. Но это отдельная эпопея, это рассказать — мало не покажется.

Ю.С.: А сложно было оформить?

Г.Б.: Был Госкомитет при Совете министров по делам изобретений и открытий. Все пытались делать изобретения, потому что это добавляло какие-то символические деньги, а главное... Да, увлекались люди изобретениями, потому что диплом давали, и в список трудов это входило наравне со статьями и даже лучше, больше, чем статья. И в каждом институте, в том числе в нашем, был свой отдел по изобретениям, не по открытиям — по изобретениям. И тут оформляли, к приборам какую-нибудь привесочку делали — и оформляли это. То есть это все функционировало очень активно. А что касается открытий, то тут уже совсем другая процедура. Чтобы оформить открытие, надо доказать несколько пунктов. Во-первых, что это никогда никому не было известно. Во-вторых, что это имеет научное значение. В-третьих, что это имеет практическое значение. Потом отзывы специалистов многочисленные. Ну и так далее, и так далее. У меня ушло на это... Во-первых, почему я, собственно, взялся это оформлять? Посыпались со всех сторон упреки и гневные вопли: вот, Казаков совсем не так описывал, а у вас что-то совсем не похожее на Казакова. Ну а я отвечал, что Казаков-то в океане не работал, а я работал. И потом доказательства какие? Геохимические, литологические, микрофауна, абсолютный возраст — по C14 и по изотопу урана определяли возраст. Ну, изотопы урана — там миллион лет порог, а C14 — это тысячи лет. То есть все совпадало, по всем параметрам: современные фосфориты. И полная гамма превращений — от современных мягких комочков до твердых конкреций. Потом в ближайшей округе на шельфе — там фосфатные пески, то есть те же самые зернышки, но только в виде уже массы переотложенной, перемытой. То есть эта вся масса жидкая вместе с отдельными зернышками когда начинает перемиваться — течение поменялось слегка, и всю эту мелочь смыло вниз по склону, и там органика, эти все органические части осадилась в виде сланца, а у берега остались зерна. Вот и все, весь механизм. И когда это происходит на протяжении миллиона лет, образуется залежь.

Ю.С.: Нет, а фосфор-то — с берега или что? Или все-таки... Фосфор откуда, с берега?

Г.Б.: Фосфор из морской воды.

Ю.С.: Хорошо, в морской воде он с берега или просто из океана, как у Казакова?

Г.Б.: У Казакова...

Ю.С.: Там же апвеллинг вдоль Намибии-то, вдоль побережья.

Г.Б.: Апвеллинг, да.

Ю.С.: Ну, он там поднимается реально ведь.

Г.Б.: Поднимается, но только не так, как у Казакова. То есть то, что у Казакова — это, в общем... Ну, не хочу никаких тут терминов употреблять, но то, что описал Казаков...

Ю.С.: Это существует или нет?

Г.Б.: ...он не сам придумал, во-первых, потому что само явление обнаружено было в 1841 году. А Казаков опубликовал в 37-м.

Ю.С.: В 37-м, да.

Г.Б.: Так вот, откуда берется фосфор? Он берется с континента в первую очередь. Реки несут фосфор, речная вода не обогащена фосфором, там фоновое содержание. Фосфор попадает в океан из вулканов. Например, пепел вулканический, его миллионы тонн выбрасывается, частично он может из пепла уходить, небольшая его часть, достаточно подвижная, уходит в океанскую воду. В океанской воде этого фосфора 30 мкг/л в среднем. Некоторые промежуточные слои в океане обогащены фосфором. За счет чего? Вся живность, фитопланктон — это поверхностный слой, это первые метры, самые активные. Это фитопланктон, там и диатомеи, и перидинеи и всякое другое. Они этот фосфор извлекают из морской воды... биохимическим путем, питаются этим фосфором. Так же, как трава.

Ю.С.: Ну, естественно.

Г.Б.: Фосфора там немного, но больше, чем в морской воде...

Ю.С.: Просто Казаков пишет, что они питаются тем фосфором, который снизу... вода обогащена, поднялась, и все.

Г.Б.: Питаются, питаются. То, что питаются, — безусловно. Но если планктон осаждается на дно, этот фосфор довольно быстро оттуда уйдет, потому что морская... Во-первых, планктон не обогащен фосфором, а очень слабо им обогащен, и до дна если он доходит, то это никакого месторождения не даст, планктон сам по себе. Но дело в том, что некоторые части планктона, скелетные, они обогащены фосфором, а главное — планктон — это пища для зоопланктона. А вот в зоопланктоне фосфора на порядок больше, это первое. Второе, зоопланктон питается фитопланктоном... Вот для аналогии: сколько пищи человек потребляет за свою жизнь? Несколько тонн, верно? Сам весит сто килограммов, допустим, а вся эта пища — где? Рассеивается в природе потом. Так ведь? А вот когда зоопланктон питается фитопланктоном в прибрежной зоне, он выделяет пеллеты, которые тут же падают на дно, которое близко, — сто метров там или двести...

Ю.С.: Ну да.

Г.Б.: Эта пеллета, плотная достаточно, она весь фосфор свой сохраняет. Кроме того, частицы зоопланктона — это хитин, разные усики, ножки-рожки...

Ю.С.: Пока все по Казакову.

Г.Б.: Пока ничего по Казакову. По Казакову выпадает из морской воды фосфор.

Ю.С.: Но не химически же у него выпадает.

Г.Б.: Химически, по Казакову выпадает химически.

Ю.С.: Химически? Все, понятно.

Г.Б.: Никакого планктона у Казакова нет в помине! У Казакова идея такая: вода на глубине тысячи метров обогащена фосфором — это видно по разрезам гидрохимическим, — потом эта вода поднимается к шельфу, из нее диффундирует CO_2 , растворимость понижается, и частицы фосфата осаждаются на дно. Все.

Ю.С.: То есть чисто химическая.

Г.Б.: Никакого планктона, зоопланктона ему не нужно, Казакову. На самом деле ничего этого нет. Значит, этот детрит органический осаждается на дно, на дне он, естественно, смешивается с остатками фитопланктона и с тем, что с берега принесено... Все что угодно там может быть: и ил, который из рек, и пепел может быть, и все что хотите. Но поскольку эта вся масса обогащена органикой, органика начинает разлагаться, среда осадочная подкисляется, pH понижается, фосфор растворяется. И он либо уходит в придонную воду, либо остается, потому что там кальций, растворенный в поровой воде в достаточном количестве. Там коагулянтные органические остатки, и тогда фосфор образует фосфат кальция и осаждается в виде этого желеобразного материала, остается в этом осадке, сохраняется. Часть, конечно, теряется, тем более что в придонной воде сероводородное заражение происходит, и там среда тоже кислая, довольно кислая. Ну, не кислая — подкисленная.

 А сам механизм заключается именно в этом, то есть морская вода, фитопланктон, зоопланктон, осаднение, концентрация этих первичных осадных пеллет. Вот так это происходит. Это несколько лет приходилось доказывать, но теперь это признано...

Ю.С.: Да, общепризнано.

Г.Б.: Потому что и американцы это все изучали, и все кто угодно. У всех получается, в общем, одно и то же. Правда, стараются придумать какие-то нюансы, манипулируют и с геохимическими параметрами, и с чем угодно. Но это так, и на это потом накладывается переотложения.

Экспедиция в Красное море

Ю.С.: В общем, когда вы... фактически сделали это открытие, дальше оно вкакой-то мере определило ваш дальнейший интерес. Так получается?

Г.Б.: Дальше я стал заниматься фосфоритами всего мира. То есть не сразу. Сначала фосфоритами в океане... И со всех, где можно было достать материал, я его доставал. И по Чили, по Перуано-Чилийскому шельфу. После моего рейса был рейс на Перуано-Чилийский шельф, меня туда уже не брали, подряд не принято было ходить: я в один рейс ходил в 67-м году. Кстати, в 67-м мой первый рейс был, я попал в Индийский океан, и там тоже особая была эпопея: я туда пошел, потому что в Красном море обнаружили металлоносные осадки. Наш пароход «Профессор Штокман» взял колонку, в Красном море, металлоносных осадков, которые из гидроксидов железа состояли. И тут же, почти одновременно, американцы на «Атлантике II» обнаружили то же самое. Причем люди, которые взяли эту колонку, они были из Геленджика, наше Южное отделение, там Тримонис работал такой. Он сообщил в Москву, что вот, нашли такую колонку. Безруков приказал эту колонку привезти в Москву, потому что там у них анализировать было некому. Привезли ее в Москву. Безруков спрашивает: «Ты можешь проанализировать у себя, в ВИМСе?» Я говорю: «Могу». Он мне дал эти образцы, я их проанализировал. Оказалось, это гидроксиды железа, обогащенные металлами, и прочее, и прочее. Ну и мы тут же, естественно, минералогию сделали и опубликовали статью.

Ю.С.: Ну, то есть это рифтовая...

Г.Б.: Рифтовая зона, да. Вот это открытие сделано нами одновременно с американцами. Причем американцы тоже опубликовали сборник и потом прислали мне письмо: что же вы нам не сообщили, мы бы вашу статью тоже включили в сборник.

Ю.С.: Понятно.

Г.Б.: После этого я решил уже детально изучить Красное море, вот это явление в желобе, в центральном желобе, и записался в рейс, который отправлялся в Индийский океан через Красное море. Я подготовил оборудование какое-то. Потом в этот же рейс проник Зеленов Костя. Знали вы такого?

Ю.С.: Нет.

Г.Б.: В ГИНе он работал. Это был энтузиаст вулканизма, и он тоже хотел поработать в Красном море. В общем, сумел проникнуть в этот рейс. И вот мы приезжаем в Одессу, корабль уже готов, нам надо выходить. И рейс задерживается, потому что не приехали вьетнамские студенты, которых мы обещали взять, которые по-русски не говорили. И мы этих студентов ждем три недели. Болтаемся в Одессе. Рейс уже по плану идет, время съедается, и уже времени на Красное море не остается. Вот наконец появляются эти четыре студента, которые по-русски ничего не понимают...

Ю.С.: Бессмысленная ситуация.

Г.Б.: ...и мы должны их катать. Еще учить чему-то. Чем мы там развлекались, я уже не помню. Я помню только, что... Тогда с Кубой у нас была тесная дружба, и кубинцы нам привозили сахар такой темный. И вот на пирсе в Одессе огромная куча, наверное, высотой несколько метров, сахарного песка, вываленного живого сахарного песка. И идет дождик, и сахарные реки текут по пирсу и втекают в море. Ну, мы набрали каждый по мешку сахара на рейс. И наконец рейс вышел. И мы ходом проходим в Красное море. Пока мы его проходим — там порядок такой: мы должны брать швартовщиков-египтян. Взяли египтян, я с ними имел неосторожность поболтать по-арабски. После этого спасался от них бегством, запирался в каюте, потому что они постоянно ко мне обращались: «Скажи капитану, чтобы он нас накормил. Скажи капитану, чтобы он нам заплатил». И так далее, и так далее. И тащили с корабля все, что можно. На палубе, например, были медные гайки, завинчивались какие-то дырки, не знаю, для чего и к чему. И смотрю: подходит этот самый швартовщик — они босые и в галабях этих, в халатах значит, ставит пятку на гайку и пытается ее отвинтить. *(Смеются.)*

Ю.С.: Господи, тут и бедность, и жалко, и смешно, и зло берет...

Г.Б.: Вышли мы в Индийский океан, на пути у нас Сокотра, а перед этим — зона тройная сочленения тектоническая... А начальником рейса был Годинцев Глеб Борисович. И он говорит: «Давайте здесь возьмем пробы». Я беру колонкой первую пробу. Бац — колонка то ли воткнулась, то ли нет, непонятно. Я ее поднимаю, и в ней торчит вот такой кусок камня — магматическая порода, пронизанная жилками сульфидов.

Ю.С.: Да-а.

Г.Б.: Тогда только зарождалась теория продвижения плит — у нас тут поборник ее был Зоненшайн, естественно, кто только его не клевал. Все же еще были фиксисты тогда. А тут вдруг... А Удинцев, естественно, уже был приверженцем этой новой теории, обрадовался ужасно: «Как это! А! Оказывается, тут сульфиды! Тут плиты раздвигаются, значит, тут могут быть гидротермы, рудные источники. Вот, появились доказательства». У меня был в рейсе еще Дмитриев, мой бывший друг из ГЕОХИ, у Виноградова работал, тогда Виноградов был еще жив, — он у меня кусочек выпросил. Ну, я ему дал, говорю: «Отколи». Но он взял большую часть. Но я все-таки успел, тут, когда вернулся, тоже проанализировал. Еще была у нас такая сотрудница Тамара Розанова, минеролог. Мы это описали, сделали анализ, опубликовали. Параллельно Барсуков опубликовал по моему же материалу, что вот, в океане существует рудообразование нового типа, геотермальное, и это дает перспективы новые. И вообще, это новое

научное направление, и так далее, и так далее. Я в ГИНе про это делал доклад, но когда я пытался этим заняться вплотную, меня довольно скоро отодвинули. Даже совсем скоро. Сказали, мол, есть люди получше, которым... которым этим пристало заниматься. И это открытие, по существу, оно так сказать, кануло, потому что авторов потом набежала уйма.

Ю.С.: Понятно.

Г.Б.: Но это был первый образец. А как американцы к этому подошли — это еще забавней! Французы работали в рифтовой зоне на своей подводной лодке «Сиана», и выпускались геофизики только, весь этот состав участников был из геофизиков. А у них был манипулятор. Ну, они свои параметры замеряли, а заодно манипулятором набрали камней. Привезли в Париж, и там в лаборатории лежало это на полке, эти камни.

” И случайно туда приехал Бишоп, американец, геолог американский Джеймс Бишоп. И он у них побывал в лаборатории, а потом спрашивает: «А это у вас что за камни?» А ему говорят: «А это мы набрали в рифтовой зоне, наверное, базальт, тяжелые такие камушки». Он говорит: «Ну-ка, давайте анализ сделаем». Взяли кусочек, сделали анализ — это сульфиды. Ура!

Ю.С.: Пропустили.

Г.Б.: Да нет, не пропустили. Тут же опубликовали статью, там десять авторов-французов, а про Бишоп — ни слова.

Ю.С.: (Смеется.) А вы откуда эту знаете историю?

Г.Б.: Это он мне сам рассказал. В Америке. Я был в рейсе, и мы в Сан-Франциско заходили, а он там работает. И он устроил прием для нас для всех, организовал — он там немалая величина был. И поскольку это Пало-Альто, это их лаборатория геологическая большая, и они всех геологов пригласили тоже к себе, устроили прием. А потом я был у него дома, в гостях.

Ю.С.: Понятно.

Г.Б.: А мы с ним познакомились еще здесь, в Москве, он сюда приезжал. И он тогда нас пригласил, меня и Шишкину. Мы сидели в этой комнате вдвоем. Шишкина была химик, она занималась поровыми водами. А Бишоп интересовался всей геохимией и поровыми водами. И он пригласил нас с ней в Америку совершить тур по американским университетам с лекциями. Мы эти лекции подготовили, но нас не пустили из-за меня.

Ю.С.: Почему? Уж вроде времена другие...

Г.Б.: Да, президент американской Академии наук написал протестное письмо нашему президенту, но это...

О работе с фосфатонакоплениями

Ю.С.: Не помогло. Хорошо. Вот начали вы заниматься фосфатонакоплением в океанах, но одно дело... Я даже не представляю, как надо было изворачиваться, чтобы все-таки этим заниматься. Ну, материалов-то, рейсов мало, не пускают... Как шла работа?

Г.Б.: Во-первых, были некоторые образцы, собранные раньше, которыми просто никто не занимался. Например, образцы с островов Науру, Рождество. Эти образцы я просто договорился, кто собирал, взял со склада. Потом были рейсы не наших судов, а украинцев, дальневосточников. Где только что можно

было, я пытался это добыть. Когда был рейс на шельф Перу-Чили, я попросил, чтобы наши сотрудники что-то взяли. Но они взяли с собой американца, Гернета, который со мной в какой-то степени конкурировал. И он весь материал забрал себе. Ну, какие-то остатки мне достались тоже. То есть в наш рейс пришел американец, взял наш материал, а мне достались крохи. Но меня это не огорчило, пусть они там наработали, наделали всего, все равно основное-то сделал я. А я потом стал заниматься фосфоритами. Все фосфориты морского происхождения. Поэтому я беру Каратау, китайские фосфориты, дальневосточные фосфориты, Русская платформа. Я все это беру и все это заново делаю, потому что я определил... кто-то там определял породообразующие компоненты, я определяю шестьдесят. И там совершенно новая геохимия по микроэлементам, я никогда этим не занимался.

Ю.С.: А лабораторная база откуда?

Г.Б.: Все что хотите можно сделать.

Ю.С.: Ну, это сейчас. Или раньше тоже можно было?

Г.Б.: Раньше только на паях. Ну, иногда надо было, конечно, приплачивать, но часто люди соглашались просто на соавторство, ради соавторства, да. Потому что иначе как? Потом в ВИМСе у меня друзья остались, мои постоянные соавторы, там у меня электронная микроскопия на современном уровне. Не простая, а аналитическая, то есть это и минеральный состав, это микродифракция, это и морфология, и все что хотите.

Ю.С.: А вот этот атлас, в белой обложке книжечка — это на каком микроскопе сделано?

Г.Б.: Это я на скане у нас наработал, на нашем.

Ю.С.: Значит, здесь все-таки тоже можно было.

Г.Б.: Да. А параллельно с этой книжечкой, про которую вы говорите, я опубликовал атлас микроструктур фосфоритов вместе с Дубинчуком, соавтором из ВИМСа. Она в твердой обложке — тоненькая, но в твердой обложке, на прекрасной бумаге прекрасные фотографии. Опубликовали в издательстве «Наука», а там заведующим химическим отделом был Орлов Слава, который был когда-то нашим сотрудником, а потом перешел в издательство «Наука». И он для этой книги взял остатки бумаги, которые сохранились после издания «Малой земли» [Брежнева]. Потому так красиво получилось.

Докторская диссертация. Оформление открытия

Ю.С.: Красиво. А как, грубо говоря, к докторской подошли?

Г.Б.: Очень просто. Да, я еще не рассказал, как оформлял открытие! Значит, открытие — это считалось нечто такое... Наш директор Монин был весьма привержен ко всякого рода регалиям. И открытий было к тому времени зарегистрировано сотни, наверное, полторы уже в Советском Союзе. Открытие гелиевого потока, например, ну, много чего. А у нас открыли течение Ломоносова, наши гидрофизики. И Монин это оформил как научное открытие с тремя авторами: Монин, Федоров и Азминов. Оформили это как положено, и это прошло и было зарегистрировано как научное открытие. Потом я пришел к Монину и говорю ему: «Вот, Андрей Сергеевич, у меня тоже открытие». Он говорит: «Ну давай оформляй». Я начал оформлять. Естественно, многие были против: с какой стати, кто ты какой, чтобы открытие оформлять? Я этим занялся. Для этого потребовалось получить рекомендации и подтверждения примерно пятнадцати ученых советов геологических институтов. Не знаю, набрал ли я пятнадцать, уж не помню, но больше десяти — это точно.

Ю.С.: Собственно говоря, фосфоритами-то только ГИГС занимался.

Г.Б.: Это проблема такая, общегеологическая в какой-то степени, то есть я это все готовил, обсуждал предварительно с представителями дирекции. И письма писали от имени нашего директора: «Просим дать отзыв на такую-то работу...» Излагалась суть, значение и прочее. Ну и, по-моему, ни одного отказа

не было. Заключение эти дали. От нашего совета — это само собой. После этого все документы с детальным описанием всего на свете пошли в Госкомитет. Там была создана специальная комиссия — по каждому открытию там создавалась комиссия. Комиссия, к моему удивлению, по-моему, шесть человек, вся состояла из химиков, которые к геологии вообще отношения не имели. Мне с ними пришлось поработать довольно долго, убедить их в химической природе самого процесса, начала самого процесса, каким образом фосфор поступает, в какой форме, как он накапливается первично, как переотлагается, растворяется, осаждается, сохраняется и так далее. В общем, по-моему, раза три я с ними вел эти беседы, и в конце концов они дали положительное заключение. После этого это пошло в Президиум Академии наук.

Ю.С.: Утверждается в Президиуме?

Г.Б.: Да. В Президиуме — там Яншин этим занимался. А секретарем там был Иванов некий, который когда-то раньше был сотрудником ГЕОХИ, я вместе с ним в Туве был, в экспедиции. Я думал: «Ну, свой парень!» А он мне позвонил и говорит, мол, ни фига подобного, Яншин отрицательно к этому отнесся, так что ничего хорошего не жди. То есть я ему позвонил, хотел спросить, как там дела или [попросить] какого-то содействия, а он мне ответил вот так. Потом мне сообщили уже через третьих лиц, что Александр Леонидович сказал: открытия в одиночку не делаются.

Ю.С.: Наши открытия в одиночку не делаются.

Г.Б.: А Безруков к тому времени уже умер. В общем, он какое-то время подумал и предложил свой вариант: открытие на троих — Батуринов, Петров, Казаков. Монин мне сказал: «Неважно, главное, чтобы было открытие от имени нашего института». Вот так и было оно сделано.

Ю.С.: Но Казаков...

Г.Б.: Казакова я опроверг по всем статьям.

Ю.С.: Да. Но тем не менее он там...

Г.Б.: Ну, а как же!

Критические ситуации

Ю.С.: А как можно посмертно?

Г.Б.: Это не ко мне вопрос. Как можно, как можно? Как можно мне вообще на этом свете оставаться, когда я, по крайней мере, двадцать раз был на грани смерти, не меньше двадцати.

Ю.С.: В смысле?

Г.Б.: Из них три раза в альпинизме всего, остальное...

Ю.С.: Пускай это будет такое отступление — расскажите, если можно.

Г.Б.: Ну, вот элементарный пример. Мы идем на восхождение, я — приглашенный участник в группе МГУ. Восхождение не сложное, двойка какая-то, но я как знаток этого района и скалолаз там нужен. Меня взяли с ребятами из МГУ, пять человек нас, мы идем на восхождение, благополучно влезаем, оставляем записку. Но не успеваем вернуться в лагерь и попадаем на холодную ночевку. Мы спустились в цирк, на ледник, вокруг скалы, уже темно лезть по скалам. Мы остаемся... Я как был в одной майке, так мы прижались друг к другу и всю ночь протряслись. Утром смотрим, где можно примерно пройти, и лезем на эту скалу. И там одно местечко неприятное: полочка вот такой ширины, и по ней надо проползти, потому что над ней нависает скала. А дальше вроде все просто. Ну, и мы идем... А у нас был один рюкзак на всех, все барахло там было, штыри, штормовки. И рюкзак, в общем, полный, по очереди мы его несем, я — последний с этим рюкзаком. Доходим мы до этого местечка, все там проползли на пузе. Я ползу —

и рюкзак у меня застревает, потому что скала нависает. А полочка обледенелая. Я хочу назад податься — не получается, и вперед не могу. Я начинаю сползать. И я испугался, как ребята будут отвечать за меня. Ничего другого мне не пришло [в голову], я этого испугался.

Ю.С.: Без веревки были?

Г.Б.: Да какая там, после холодной ночевки, веревка!

Ю.С.: И как вылезли? Назад?

Г.Б.: Нет, я не сумел назад. Просто немножко протаял этот лед подо мной, и совсем, полностью уже слился со скалой и эти десять сантиметров я преодолел. Никому я ничего не сказал.

Ю.С.: Это все у вас случаи, связанные с альпинизмом или нет?

Г.Б.: Нет, я сказал — двадцать, в альпинизме только три.

Ю.С.: А неальпинистские?

Г.Б.: Неальпинистские? Ну, скажем так. Во время экспедиции в Тихий океан в 70-м году мы шли на север, и на пути, в трехстах или двухстах милях от Новой Зеландии, торчит скала из воды, остров Кертис, это отвесные почти склоны, никого там нет, естественно, и вулкан наверху. Ну и как так — пройти мимо и не побывать. И нашлось двое любителей таких приключений — это я и Мельников Игорь, биолог. Он интересовался всякой экзотикой, всем чем угодно. И мы уговорили начальство, чтобы нам позволили на этот остров высадиться. Корабль встал на якорь, мы садимся на шлюпку резиновую. А там мощный прибой бьет: волна набегает, ударяет в скалу и откатывается. И надо успеть с очередной волной, когда она подходит, выпрыгнуть и затащить шлюпку. Вот мы выбрали момент, подходим, очередная волна набегает, нас выбрасывает на скалу, мы выскакиваем на эту мокрую скалу, успеваем веревкой подкрутить шлюпку, лезем наверх, я эту шлюпку подтягиваю, привязываю за уступ, и мы идем к вершине. Лезем вернее — там почти отвесная скала — к вершине. Кратер довольно большой, метров пятьдесят, наверное, в диаметре. И там застывшая лава трещиноватая, и где-то булькает, идет пар, газ и огромное количество мертвых птиц в округе валяется. То есть птицы летели на юг или север, опускались, и или газ, или газоструйные эти выделения были, и не успели они, видимо, среагировать. Не знаю, почему такое огромное количество там было птиц. Ну, я набрал полрюкзака камней, естественно, и мы спускаемся.

” Спускаемся, а шлюпки нет! Очередная волна высокая налетела, и шлюпку унесла. Мы смотрим — на корабле люди в бинокль наблюдают, потом смотрю — катер они спускают, катер, сколько можно, подходит... Они тоже спускают резиновую шлюпку. Эта шлюпка подходит к скале, и мы прыгаем... Мельников прыгает — он без ничего, я за ним прыгаю с рюкзаком и не допрыгиваю.

Успел только рукой схватиться за бортик шлюпки. Рюкзак тяжелый, а сбросить жалко. *(Смеется.)*

Ю.С.: В результате сбросили?

Г.Б.: Нет, не сбросил — меня вытащили с рюкзаком. Камни я дал Грише Руднику, который занимался у нас породами. И так все это и пропало. И сейчас мне эти камни позарез нужны, и ни одного нет, остались только куски серы самородной, что я на кратере нашел. В другой раз [на остров] Святой Елены мы зашли, в Атлантике. Были поблизости. Пошли посмотреть на могилу Наполеона. Довольно трудный подъем, у нас времени было мало, пришлось бежать наверх. Любопытное место, конечно. Вернулись, я решил поплавать в море, потому что я любитель был поплавать. Море тихое. Я просто с борта спустился и поплыл вдоль берега. Абсолютная гладь, слева скала, справа — Тихий океан. Я плыву вдоль берега, и вдруг, откуда ни возьмись, — колоссальная волна, это называется «волны-убийцы», неожиданно

и ниоткуда вроде бы берется. Смотрю, вдруг море вздымается справа — просто успел направо посмотреть. Ну что, надо нырять под волну. Волна находит на меня и поднимается все выше. Я ныряю где-то в районе гребня, но меня, не знаю, какой силы удар, шмякает о скалу. Я только успеваю развернуться лицом, выставить вперед руки и колени, голова вроде не пострадала, насколько я помню. И волна отхлынула, море опять тихое — а вся скала была покрыта морскими ежами...

Ю.С.: Ой!

Г.Б.: И вот так вот торчали эти иглы из ладоней и из коленей. *(Смеется.)* Потом я всю оставшуюся часть рейса выковыривал. Потом прошло несколько лет — и вдруг смотрю, еще начали вылезать...

Нынешние отношения с институтами

Ю.С.: Глеб Николаевич, у вас какая-то геологическая жизнь, с одной стороны, помощь друзей...

Г.Б.: Они все умерли.

Ю.С.: А с другой стороны — я так понимаю, какой-то институциональной, вообще говоря, поддержки — минимум.

Г.Б.: Что вы имеете в виду?

Ю.С.: Институциональная — эта та организация, в которой вы, собственно говоря, работаете на благо, как говорится, государства. В общем...

Г.Б.: Никакой поддержки, только наоборот.

Ю.С.: Получается — никакой. Какой-то странный способ существования.

Г.Б.: Я вот здесь сижу, в этой комнате, мне негде разложить ни свои образцы, ни книги, ни литературу, ни графику. Я работаю дома, я и пробы до сих пор сам растираю до пудры.

Ю.С.: Какой-то странный способ существования, вообще говоря.

Г.Б.: Какой есть. Это, как принято говорить...

 Когда у Сталина спросили, почему у вас такие писатели, он говорит: «Ну, других нет». Других граждан у нас нет, ни писателей, ни других ученых.

Ю.С.: Но это что, это вам лично не повезло или?..

Г.Б.: А что значит «повезло»? Я трижды подавал в академию на членкора, за меня голосовал только один человек — Вахромеев.

Ю.С.: Я как-то вот... Если есть тема важная научная, если есть проблема, если вы в этой проблеме не последнее лицо, один из лидеров, допустим...

Г.Б.: Проблема есть проблема. Я занимаюсь ураном, я занимаюсь фосфоритами, я занимаюсь железомарганцевыми конкрециями и корками, у меня пара книг опубликована на эту тему. Я занимаюсь частично речным стоком и всякими экологическими проблемами. Вот сейчас у меня... я подготовил материал по Аральскому морю, которое почти усохло, а я там работал в 65-м году, когда море было полноводное. И вот я сейчас имею материал, как менялся состав осадков с тех времен и до сегодняшнего дня. Вот теперь уже осадки в виде гипса и примесей солей. Как это все происходило по разным элементам. Ну, и...

Ю.С.: А сейчас вы материалы оттуда берете, с Арала?

Г.Б.: По Аралу несколько международных экспедиций было, есть программа международная. Мне дали несколько образцов, я их сопоставил со своими старыми, и получился интересный материал. Никто этого не делал и не сделает, ни у кого этих старых образцов нет. У меня какие-то остатки случаяем сохранились.

По Каспию у меня двести образцов осадков по всему морю. Сейчас занимаются у нас Каспием, собирают по одной пробе, а у меня по всему морю, но 50—60-х годов материал. Этот материал — это экологическая основа, тогда море было чистое. Его прогнозировать и сравнить с тем, что сейчас, — вот актуальная проблема. Никто не берет! Я в «Газпром» предлагал этот материал, говорят: «Нас это не интересует». Я экологам предлагал, они говорят: «Да ну, это сколько надо денег еще потратить, чтобы проанализировать это все». Я проанализировал дюжину образцов, опубликую.

Ю.С.: Ну хорошо, на протяжении вашей геологической биографии... У вас практически вся жизнь прошла, большая часть геологической жизни, в Институте океанологии, да?

Г.Б.: Да, конечно, с 67-го года. Ну вся почти что.

Ю.С.: Уран был в ВИМСе, а остальное...

Г.Б.: Да-да. Начал в ВИМСе, а здесь уже осел.

Ю.С.: За эти годы, просто интересно, как менялась ситуация с Институтом океанологии.

Г.Б.: Как? По нисходящей! У нас сначала были мелкие суденышки, потом «Витязь» — это было раньше судно, которое Герингу поставляло панамы из Южной Америки. Не помню, как называлось оно. Значит, немецкий корабль, который переоборудовали, первый наш такой современный корабль, который был примером, собственно, для научного флота всего мира. Там было множество лабораторий, он совершал рейсы четырехмесячные... на четыре месяца, шестьдесят человек научного состава. То есть это был прорыв в океанологии! Потом новые суда появились, потом такие же суда появились у других учреждений, был период подъема, а потом, после перестройки, все начало рассыпаться. Сейчас уже «Витязь» давно превратился в музей — старый «Витязь», новый «Витязь», следующий, четвертый по счету, он тоже уже списан практически. У нас остался, в общем-то, один крупный пароход (*видимо, оговорка: теплоход. — Ред.*) и один мелкий. Денег на экспедиции нет. Знаете, сколько стоят сутки корабельного времени? Тридцать тысяч долларов!

Ю.С.: Немыслимые, конечно, деньги.

Г.Б.: Никаких экспедиций... Топливо дорогое. Ну, насколько — я не знаю. Какие-то еще накладки, видимо, на это все, потому что, я знаю, был такой грех в морском деле, когда брали по одной цене топливо, с избытком, потом перепродавали где-то на пути. Но это неизбежно, естественно, в наше время. Насколько это было широко, я не знаю, а по мелочам всегда что-то такое было.

Ну а сейчас я не вижу вообще перспектив никаких. Вот мы только пытаемся участвовать в каких-то международных программах или глобальных проектах, освоение Арктики, например. Дают деньги иностранцы, или они дают свой корабль, нас приглашают. Это и немцы, и прочие европейцы, и американцы. Наши молодые ребята, они по интернету смотрят — там объявляют: «Есть место на...» — они это называют койками, berth. «Есть две койки в такую-то экспедицию, можете подавать заявку». Ну, мы подаем заявку, иногда удается...

Ю.С.: С какой-то своей программой, да?

Г.Б.: Ну, у них своя программа. Мы подсоединяемся со своими интересами каким-то образом.

Ю.С.: Понятно.

Г.Б.: Иногда совместная программа, вроде бы под нашей эгидой, но на самом деле на чужих кораблях и на чужие деньги. Я сейчас к этому утратил интерес, потому что... Если бы я захотел, я бы, наверно,

мог проникнуть туда, но мне это уже... С меня хватит.

Ю.С.: Понятно. А скажите, в вашей области — наверное, основная область ваших интересов — это фосфатонакопление в океане.

Г.Б.: Нет. Еще и рудные месторождения.

Ю.С.: Тоже в океане.

Г.Б.: Тоже в океане. Это железомарганцевые конкреции, это сульфиды. Я к этому интереса не утратил. По конкреции у меня тоже и атлас опубликован, и монография.

Поездка в ЮАР

Ю.С.: Ну вот, ваша область, которую вы, естественно, знаете. В нашей стране что-нибудь в других местах делается?

Г.Б.: Приведу пример... про нашу страну. Вот я открыл современные фосфориты. Это стимулировало работу в этой области вдоль побережья Африки. Там работали англичане, американцы. И началось все практически с нас, потому что еще там работали суда АтлантНИРО одновременно со мной или даже чуть раньше, которые нашли там пару образцов фосфатного песка. Потом англичане составили карту южной части этого района с повышенным содержанием фосфора. Потом, уже после того как я там побывал и уже у меня там были связи с южноафриканцами... Кстати, они меня туда впервые пригласили, по-моему, в 67-м году, когда я был приглашен на международную конференцию в Кембридже по подводным окраинам континентов. И туда ездил Безруков, он взял меня, Емельянова, Пастернака. Мы вчетвером туда ездили. Я там делал доклад о современных фосфоритах. И там ко мне подошел профессор Симпсон из Кейптаунского университета и говорит: «Слушайте-ка, приезжайте к нам, организуем вместе экспедицию, вы будете там по фосфатной части». Я говорю: «Ну конечно, я согласен». Приехал сюда. Да, я рассказал об этом Безрукову. Он сказал: «Да ты что, с ума сошел! ЮАР — это страна, с которой у нас вражда, никаких отношений! Это страна, проклятая всем миром! Они негров вешают! Ты что! Связываться с ЮАР! Да нас всех посадят! И тебя и меня!» Примерно так он мне объяснил. Я об этом никому не сказал. И впервые туда попал уже во время перестройки, когда у нас еще отношений с ЮАР не было. Посредником было голландское посольство, и я получил приглашение, будучи в экспедиции на Балтике. Мне по телефону сообщили: из ЮАР пришло приглашение тебе. Я ответил, что я в рейсе, извините, не могу участвовать.

Вернулся сюда — снова получаю приглашение. Они пишут: «У нас тут была забастовка моряков, и рейс отложился, так что теперь можете приезжать». Я приехал. Я пошел в голландское посольство. Мне там дали какую-то бумаженцию. Оформил здесь загранпаспорт и сел на самолет, прилетел во Франкфурт. Там сел на автобус, приехал куда-то в Антверпен, по-моему. Там меня ждал билет в авиакассе до Претории, они мне оставили заранее билет. Я получил этот билет, хочу идти на посадку, а меня не пускают. Говорят: «У вас нет нашей визы». Я говорю: «А зачем мне ваша виза, если я еду в Южную Африку?» — «Нет, вы же через нас проезжаете, нужна виза». Я говорю: «Ну, я и не знал такого, никто мне не сказал. Я получил визу ЮАР через Германию, в Германию у меня есть виза». — «Нет, раз вы через нашу страну проезжаете...»

 Я говорю: «Назад у меня нет билета, вперед вы меня не пускаете, денег у меня нет. Что вы со мной будете делать?» Они так почесали и говорят: «Черт с вами, поезжайте». Вот так я сумел выехать в Южную Африку.

Меня только предупредили: «Поедете назад — обязательно возьмите визу». Когда ехал назад, я сказал там, в Кейптауне, что мне надо визу как-то оформить через Бельгию. Они говорят: «Да плюнь ты на

эту визу, не будем ничего оформлять!» И таким же образом...

Ю.С.: В ЮАР интересная была поездка?

Г.Б.: О! Безусловно. Но я по литературе знал кое-что о ЮАР. Есть у меня друг давний, когда он учился в школе, он сказал, что его дедушка воевал в ЮАР...

Ю.С.: А! Это война с бурами?

Г.Б.: Вместе с бурами... против англичан. И он этого дедушку видел. Дедушка рассказывал: «Мы там, в пустыне, когда против англичан воевали, все время нам приходилось передвигаться, потому что англичане за нами посылали кавалерию, и нам часто приходилось переходить вброд реки. А в реках были крокодилы. И мы вперед пускали негра. Если его крокодил не съедал, мы переходили, а если съедал — мы шли дальше, вверх или вниз по течению... и следующего негра». А мальчишки говорят: «Дедушка, да ты что! Ведь это же люди!» А он говорит: «Какие это люди, у них же на голове шерсть!» *(Смеются.)* Так что про ЮАР я кое-что знал.

Ю.С.: Все-таки Институт океанологии какие-то командировки же оплачивал вам?

Г.Б.: Дорогу — да, мне оплатили тогда. Дорогу до Франкфурта. А там, в ЮАР, мы путешествовали уже как угодно и куда угодно. Там я повидал много такого, чего никогда не видел и не увижу, и никто не увидит. Я там был на руднике крупнейшем, Палабора. Это колоссальная яма диаметром в километры, и там десятки витков дороги, и по этой дороге идут самосвалы, которые везут чуть не по пятьдесят тонн, которых больше нигде нет, там колесо выше человеческого роста. И все это сделано в ЮАР! ЮАР атомную бомбу свою имела. И свою артиллерию, свои орудия продавала в Европу и в Африку, которую производили на военных заводах. То есть это колоссальная была страна, колоссальных возможностей. Не говоря уже про алмазы и золото, и все прочее.

Ю.С.: А это рудник урановый?

Г.Б.: Нет, там золото... Там и уран есть. Там, кстати, и наши добывают сейчас уран компании. А кстати, вот меня спросили насчет содействия. Значит, открыл я там современные фосфориты. Потом вместе с юаровцами мы ходили еще по рудному полю, которое они там обнаружили. Рядом, неподалеку от современных фосфоритов, есть целое поле, южнее чуть, рудное месторождение с ресурсами четыре миллиарда тонн фосфатной руды. Это колоссальное месторождение, фосфатные пески, такие же, как тот песок, который я...

Ю.С.: То есть с большим содержанием?

Г.Б.: Это промышленное содержание — 32% P_2O_5 , или от 28.

Ю.С.: Как в Марокко?

Г.Б.: Да, не хуже. Так вот значит, месторождение... Ну, я там побывал, естественно, и говорю: «Давайте...» — его же надо эксплуатировать, это месторождение. «Давайте сделаю вам технологическую пробу». Я хотел наш корабль туда подрядить, договаривался с нашим руководством, но ничего из этого не вышло, к сожалению. Наш директор, был тогда Ястребов, перепродал кому-то этот рейс, не знаю, кому. Короче, эта идея сорвалась, но в том районе работал наш корабль — «Профессор Логачев», это «Севморгео», — и я их соединил, то есть сообщил юаровцам, что с этими ребятами можно получить контакт. Они договорились и оплатили им трехдневную работу на шельфе Намибии. За эти три дня они взяли несколько колонок, но неудачных, одна только колонка была удачная, по-моему, и взяли две технологические пробы по тонне: на самом рудном поле и на окраине рудного поля. И они мне на корабле привезли килограмм по шестнадцать эти две пробы. А потом из Петербурга мне сюда переправили. И я отдал в ГИГС, Институт горнотехнического серебра, они сделали технологические испытания, которые показали, что это кондиционная руда, которую можно прямо сейчас добывать. И все эти результаты я отослал.

Потом я тут пытался вовлечь каких-то бизнесменов, и геологов, и технологов. Я связался с горняками из ГРИ, с горного факультета, у которых уже была готова установка по разработке подобного рода месторождений. Они ее опробовали в Ирландии. Уже это работало. То есть это добычной агрегат, потом трубопровод — и на берегу уже делай что хочешь, обогащение или какую угодно переработку. Разработали полностью эту схему. Я ее предлагал, пытался предложить. Ну, у меня никаких контактов, собственно, не было с бизнесом, через каких-то знакомых общих пытался предлагать разным бизнесменам. Один был человек, который в Венесуэле добывал золото в речных наносах. Он все это рассмотрел, говорит: «Да, это все можно сделать, но меня золото интересует больше, так что я с этим связываться не буду». Ну, были другие контакты. Потом каким-то образом эта информация дошла до Думы, и из Думы какой-то представитель меня вызывал и выспрашивал у меня детали, записывал. Кто-то там, в Думе, этим интересовался.

В общем, в нескольких местах я это предлагал, наконец я вышел на «Еврохим», это крупнейшая компания. Недавно я в газете увидел, по-моему, в «Московском комсомольце», вроде бы буквально несколько дней назад список и фотографии самых влиятельных людей. Там где-то на пятнадцатом месте директор «Еврохима» оказался, этого я не знал. Но я непосредственно, там, с какими-то функционерами имел дело, я им все это объяснил. Потом они попросили все это в письменном виде. Я это предоставил: и карты и схемы. И потом делал доклад на руководстве секции, которая занимается фосфоритами. Они все это приняли к сведению. Но упрекнули, то есть не упрекнули, а отметили: вот, слишком много урана в этой руде — это нехорошо, это может быть с точки зрения экологии фактор неблагоприятный. Но мы это все, видимо, примем и наладим производство. И после этого все затихло. И вот буквально месяца два назад я узнаю, что это месторождение уже разрабатывается. Кем разрабатывается? Какие-то консорциумы, состоящие из анонимных участников, начали разработку в текущем году. Уже руда пошла потоком, и она продается за границу. И у меня есть это все в виде картинок: добычной корабль, процесс переработки, переправка, переплавка, переправка на берег, обогащение, потом грузят на пароход, и пароход отправляется на продажу. Вот это все я недавно докладывал на Ученом совете. Так, небольшой фрагмент.

Ю.С.: Может быть, с использованием ваших материалов как-то...

Г.Б.: Да, это да. И возможно, что «Еврохим» там тоже участвует, я не знаю. Но материалы, видите, поскольку это опубликовано — у меня в этой книге есть...

Ю.С.: Понятно.

Г.Б.: С картой этого месторождения, с описанием. А эта книга — в каком году? В шестом году [2006] издана, по-моему...

Ю.С.: В 2004-м.

Г.Б.: В четвертом даже. Вот, пожалуйста, я вам покажу... Вот, в самом начале.

Ю.С.: Я так понимаю, что в нашей стране почти никто не занимается этим, да?

Г.Б.: В нашей стране уже никто, по-моему, ничем не занимается. Были институты, Агрохим, были...

Ю.С.: ГИГС, он...

Г.Б.: И ГИГС...

Ю.С.: По-моему, он как-то... Его больше нет.

Г.Б.: В виде одной комнаты он существует. Было огромное здание...

Ю.С.: Я бывал там, да.

Г.Б.: Я проезжаю его, когда на дачу еду, каждый раз, туда и обратно.

Ю.С.: НИУИФ тоже практически...

Г.Б.: Да, НИУИФ ... Со всеми с ними я имел контакты. Сейчас нет никого. Вот, на днях сто лет отмечали Андрею Сергеевичу Соколову, который был ведущим геологом, который, собственно, и помогал нам в анализах...

Ю.С.: Я когда диссертацию защищал, я один раз с ним разговаривал.

Г.Б.: С Соколовым?

Ю.С.: Да, по-моему, в кабинете у него был. Приходил с официальным запросом на отзыв.

Г.Б.: Соколов был когда-то чемпионом Москвы, капитаном сборной по волейболу. В 25-м году или в 24-м. С тех пор ему каждый раз дарили мяч волейбольный на день рождения. *(Смеется.)* До восьмидесяти лет.

Современное состояние западной науки

Ю.С.: Скажите, ну хорошо, в нашей стране как-то это не очень, а что сейчас на Западе в этой области?

Г.Б.: Продолжается все. Продолжают интересоваться, работают. Но я для себя новую область или подобласть, подразряд, подвид обнаружил.

Ю.С.: Какой?

Г.Б.: Фосфоритовый. В 80-м году американский геолог Альтшуллер, русского происхождения, опубликовал статью о среднем составе фосфоритов, включая микроэлементы в составе фосфоритов. Но за то время техника изменилась, материал изменился, много чего изменилось. Пришло время обновить это на базе не тридцати элементов, как он делал, а шестидесяти. И с помощью нового материала и новой аналитической техники. Это колоссальная, конечно, задача, одному мне с этим не справиться. Но у меня такой, возможно, появится или появился аспирант, который может взяться за математическую обработку материала. Но этот материал надо проанализировать, систематизировать и отдать ему в электронном виде. Тогда он начнет с этим работать.

Ю.С.: А сама аналитическая база? Вы имеете в виду микрозонд?

Г.Б.: Аналитическая база — это в первую очередь ICP MS mass. Ну, и поскольку CP MS mass не все хорошо берет, отдельно я делаю ртуть — вот только что мне принесли очередную партию результатов. Потом драгметаллы — это отдельная статья. Я доступ потерял к этому, потому что в ЦНИИГРИ — там это все сошло на нет, в ГЕОХИ я заплатил 60 тысяч рублей за анализы, заранее оформил, а тут сломался ускоритель, а руководитель работ, Колесов, геохимик, умер недавно. Все, ни денег, ни анализа. Вот так...

Ю.С.: Деньги что, личные были?

Г.Б.: По гранту. Но бывали и личные, мне больше их девать некуда *(смеется)*, хотя зарплату мне сократили — в награду за то, что я заслуженный деятель [науки РФ]. Денег нет, молодым платить нечего.

О характере ученого и увлечении иконами

Ю.С.: Вы все это увидите... А скажите, все-таки за плечами у вас громадная жизнь, и, судя по всему, она не была жизнью «в шоколаде»...

Г.Б.: *(Смеется.)* Вы верите, моя жена слушала лекции в университете известных ученых, я не помню фамилию одного из них, который друг Зенкевича, не то Бергман его фамилия, я забыл. Яков Овадиевич, и фамилия на «Б», немецкого типа, который читал лекции по биологии. И на эти лекции ломались с разных факультетов. У него была оригинальная манера изложения, он очень любил пошутить. Там было девчонок полно, и вот он насчет пауков рассказывал, насчет млекопитающих. И у него была такая фраза, которую передавали: «Путь сперматозоида не усеян розами».

Ю.С.: Да, не усеян. Ваш путь тоже не усеян розами. И тем не менее... Что дает человеку силы, вообще говоря, работать так много и с таким интересом, как вы? Хотя поддержки вроде бы нет, заинтересованности в вашей работе со стороны какого-то окружения, даже научного окружения — тоже особенно нет. Ну, делай! Единственно, что не мешают — и то хорошо.

Г.Б.: Уже хорошо!

Ю.С.: Ну, этого же мало. Страшно мало!

Г.Б.: У меня есть два-три человека, которые, скажем, сочувствуют, и я иногда их привлекаю, что-то им даю, что-то они мне дают. Ну, совместные публикации какие-то. В ВИМСе у меня мой давний напарник Дубинчук Виктор Тимофеевич, с которым мы связаны и дружбой и общими интересами. Это уникальный человек, который с Бором здоровался за ручку, когда был студентом. Талантливый физик, такой кладезь, который работает как вол в ВИМСе на кучу паразитов. Он дает материал, который публикуют, его не упоминая даже. Мастер электронной микроскопии современной, который микронные частицы находит самородных металлов, кристаллическую структуру их определяет, насчет генезиса может сказать. Физик с большой буквы, физик настоящий, который в любом явлении усматривает какое-то физическое явление, связь какую-то с общей физикой. Он меня не раз поражал, когда мы мои материалы, результаты обсуждали, полученные его руками. Так вот это...

Ю.С.: Так чем вы изнутри питаетесь? Уж слишком сложная какая-то...

Г.Б.: Я не знаю, чем я питаюсь. Но может быть, это какие-то гены, потому что родители были... Отец мой умер в сорок девять лет, но он работал в НКВД. Мать училась в гимназии, а потом самостоятельно, купила книгу «Гимназия на дому» и курс гимназии прошла. А в девятнадцать лет уехала из голодной Москвы, 19-й год был, уехала на Алтай, в самую глушь и работала школьной учительницей в старообрядческом селе. Да, но, не знаю, наверное, какие-нибудь далекие предки были в моей семье, потому что я, в общем-то, отличным здоровьем не отличался и вообще мне, когда приходил к врачам, оканчивая школу, мне сказали: тебе учиться вредно, это большое напряжение. Я в Бауманский хотел поступить на ракетное отделение — мне сказали, ты по здоровью не проходишь, у нас большая нагрузка. И спортом тебе нельзя заниматься, а я занимался и альпинизмом, и горными лыжами, борьбой. Очень активно выступал на первенстве Москвы. Первенство вузов брал не однажды. Пригождалось иногда.

Ю.С.: Хорошо, а что еще радует, кроме работы? Того же Чердынцева радовали живопись, поэзия, выпить любил.

Г.Б.: Кого?

Ю.С.: Чердынцева, вашего как бы оппонента.... Ему много чего нравилось.

Г.Б.: Интересные книги, конечно, но сейчас я мало читаю. Одно время я увлекался иконописью. Но сам не писал, естественно.

Ю.С.: Понятно.

Г.Б.: По деревням даже ездил, в глухих местах, обнаруживал совершенно невероятные вещи, горы, сложенные из икон, предназначенных к сожжению.

Ю.С.: Да вы что! Это в какие же годы?

Г.Б.: В какие годы? Это до перестройки, естественно.

Ю.С.: Это понятно, что до перестройки.

Г.Б.: В 70-е годы.

Ю.С.: Еще такие вещи были?

Г.Б.: Да, такие вещи. Я живу — конец Ленинского проспекта, даже не конец уже теперь, в общем,

на Ленинском проспекте. Так там рядом было множество сел. Я туда переехал, дом построили в 60-м году. К этому времени наш дом там был единственный, а вокруг были села, деревни. И в каждой деревне, в каждой избе было полно икон. Все это было разрушено и уничтожено. Ну, там какие-то остатки сохранились.

Ю.С.: Что значит «разрушено, уничтожено»? Люди-то уезжали, получали...

Г.Б.: Люди уезжали. Я захожу в избу, сидит старуха, ждет, когда ее увезут. В доме иконы, она говорит: «Никому они не нужны, а мне дети запретили брать с собой этот „мусор“, как они говорят. Что я могу с этим делать?» Приезжает бульдозер, валит это все. Это в Москве, самой Москве! Потом как-то зимой... Наш дом был последний на Ленинском проспекте, а дальше был лес. Так вот, там первые дома появились академические, кооперативные. Я выходил из подъезда, становился на лыжи и шел в лес. По пути заходил в деревню. Да, там по пути еще огромная свалка была, мусорная, неподалеку. И там люди ходили, собирали, что-то полезное находили в этом мусоре, со всей Москвы везли. Я захожу в одну избу, лыжи поставил у избы и захожу. Смотрю — там иконы стоят. Говорю: «Это у вас откуда?» — «Да вот, подобрали с мусорной ямы». Я говорю: «Вот эту икону можешь отдать?» — у мужика спрашиваю. Говорит: «Ну, дай на бутылку и бери». В шикарном киоте икона. Я, рюкзака не было у меня, просто на лыжах пришел, я киот оставил, конечно, взял иконку эту небольшую «Всех святых», что ли, как она называется, уже забыл.

Ю.С.: Чудеса.

Г.Б.: Вот такого размера иконка. Потом очистил ее, смотрю, надпись: сия икона написана таким-то дьяком в 1700 каком-то году. Живопись классическая. На это ни времени, ни сил нет, надо, если хотите, таким заниматься, и реставрацией заниматься, это все самому... Сам я пробовал, конечно, тоже делать, но должен это делать профессионал.